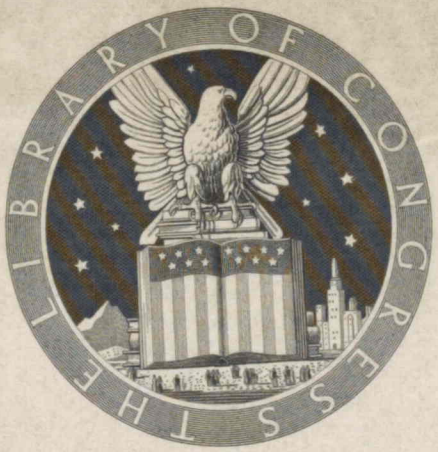
IOAODO
DUKOU



RARE BOOK COLLECTION

Нелишите Жизни подобнаго вамъ
и Освободите отъ Лютости Собакъ.

Рѣчное № 37 54

МОЛОДОЙ ДИКОЙ,

или

ОПАСНОЕ СТРЕМЛЕНІЕ ПЕРВЫХЪ СТРАСТЕЙ;

Новѣйшее сочиненіе

Госпожи де ЖАНЛИСЪ.

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ,

съ картинами.

Изд. А. Ш.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА, 1809.

Въ Университетской Типографіи.

Съ одобренія Ценсурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

МОЛОДОЙ ДИКОЙ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Онъ теряетъ довѣренность Лорда Стенгеля. — Бьется на шлагахъ. — Возвращеніе Стенгеля и Жеоржетты.

На другой день занимается онъ дѣлами Милорда до вечера. Разсматривая записку, по которой долженъ былъ оплачивать долги, онъ увидѣлъ, что надлежитъ ему лично вручить одному Банкиру въ тотъ же день три тысячи фунтовъ стерлинговъ. Онъ, взявъ деньги, отправился къ нему; но сей Банкиръ находился въ отсутствіи: онъ возвращался въ задумчивости, будучи встрево-

женѣ мыслями, касавшимися до его положенія, какѣ вдругѣ встрѣчается сѣ Сиръ Воодомѣ, который заводитъ его вѣ трактиръ, чтобѣ выпить пуншу.

Воодъ, узнавѣ вскорѣ, что Кораль имѣетъ при себѣ великую сумму денегѣ, принуждаетъ его пить снова, и приводитъ вѣ то положеніе, вѣ которомѣ разсудокѣ теряетъ всю свою силу. Тогда уводитъ его вѣ карточной домѣ, наполненный сими достойными презрѣнія людьми, истинною заразою столицѣ, неимѣющими кѣ пропитанію иныхѣ средствѣ, кромѣ обмановѣ.

Нещастный Кораль садится играть, и проигрываетъ свои деньги.

„Продолженіе игры будетъ для тебя удачнѣе, которая можетъ поправить твой проигрышъ, — шепчетъ ему на ухо вѣроломный другъ его, пользующійся проигрышемъ; — играй на слово, я буду по тебѣ поручителемъ. —“

Онъ опять садится, и проигрываетъ сумму, превозходящую еще первую, и даетъ письменное обязательство заплатить ее не медля.

Злополучный Кораль находился всё еще въ сильномъ заблужденіи. Радость Воода и его сообщниковъ обнаруживается, но тотъ ее не примѣчаетъ: его занимаютъ пустыми разсказами, коими онъ увеселяется. Воодъ отводитъ его въ сторону для разсѣянія мыслей, и говоритъ ему

о Милади Лаурѣ, которую онъ долженъ оставить по той причинѣ, что мужъ ея возъимѣлъ къ ней новыя подозрѣнія, и строго надъ нею надзираетъ.

Между тѣмъ надлежало разплатиться, а Вооду было поручено получить по обязательству деньги.

Они оба отправляются въ домъ Милорда Стенгеля. Кораль едва взошелъ въ свою комнату, какъ увидѣлъ свое бюро отпертымъ, изъ коего всѣ деньги Стенгеля были взяты.

Послѣ сего удара пришелъ онъ въ сильной трепетъ, которой изгналъ винные пары, имъ овладѣвшіе. „Боже! вскричалъ Кораль, меня обокрали! — Прекрасная отговорка! возразилъ Во-

одѣ перемѣнялась вѣ лицѣ; ты притворяешься обокраденнымѣ для того, чтобѣ не выполнить своего обязательства! — Дикій, воспаленный гнѣвомѣ, хотѣлѣ ему отвѣчать, какѣ письмо, лишь только начертанное, поражаетѣ его взоры. — Это отѣ Базиля! сказалѣ Кораль: не уже ли сего вѣрнаго слугу долженѣ я подозрѣвать? . . . Онѣ вѣ слухѣ его читаетѣ:

„Молодой мой баринѣ!

„Никого не подозрѣвайте: „я самѣ отперѣ ваше бюро, и вы„нулѣ находившіяся вѣ немѣ день„ги. Вѣ ту минуту, когда вы „прочтете мое письмо, я буду „на дорогѣ кѣ Ворчестеру, куда „я стараюсь поспѣшить для воз-

„вращенія принадлежащаго Ми-
„лорду.

„Теперь я долженъ оправдать
„свои поступки, и къ нещастію
„могу весьма легко!

„Я узналъ, что вы подружи-
„лись съ молодымъ развратни-
„комъ, и вручили свое сердце
„женщинѣ, не имѣющей ника-
„кихъ добродѣтелей.

„Я не однократно намѣревал-
„ся повергнуться къ ногамъ ва-
„шимъ и, проливая слезы, про-
„сить васъ ихъ оставить; но вы
„худо приняли бъ мои совѣты. Я,
„будучи вашимъ слугою, могъ ли
„вамъ сіе предложить, какъ ско-
„ро вы мнѣ однажды то запре-
„тили?

„Но простите мнѣ, что я,
„побуждаемъ будучи нѣжною при-

„вязанностію, непремѣнно хо-
„тѣлъ изторгнуть васъ изъ опа-
„сности: увы! къ чему послу-
„жили всѣ мои усилія? Вы про-
„играли теперь три тысячи фун-
„товъ стерлинговъ, и еще обя-
„заны заплатить сумму и первую
„превышающую!

„Отъ меня получили вы по-
„лезный совѣтъ, бывши въ ма-
„скерадѣ, — удалиться отъ Сиръ
„Вооода и Милади Лауры, во-
„ображая, что вы какъ ее, такъ
„и подобныхъ ей, будете ста-
„раться убѣгать.

„Когда вы обрѣтете опять
„свой разсудокъ, любезной мой
„Господинъ, то будете стократ-
„но благодарить Небо, что я
„вамъ возпрепятствовалъ раззо-
„рить человѣка, который имѣлъ

„къ вамъ отеческія чувствованія,
„и простите бѣднаго Базиля за
„усердіе добраго служителя.
„Базиль.“

„P. S. Я долженъ васъ пред-
„увѣдомить: мнѣ точно извѣ-
„стно, что Сиръ Воодъ пользо-
„вался вашимъ проигрышемъ, въ
„которой онъ васъ вовлекъ умы-
„шленно, употребя къ тому всѣ
„свои мѣры.“

Ну, бездѣльникъ! сказалъ тогда дикой Вооду, что ты на это будешь отвѣчать? — Что ты честно исполнишь свое обязательство, сказалъ другой. — (Кораль схвативъ его за горло): готовься защищать честь свою; иначе, сію минуту погибнешь! — Но Воодъ, вырвавшись изъ рукъ

его, слѣдуетъ за нимъ въ отдаленное мѣсто.

Между тѣмъ Базиль, будучи на дорогѣ къ Ворчестеру, принуждаетъ почталіона къ скорѣйшему путю; но едва успѣлъ онъ проѣхать нѣсколько миль, какъ признаетъ вдали служителей Милорда Стенгеля. Вскорѣ дѣйствительно онъ увидѣлъ Виктора, скачущаго на лошади. — Я провожаю, сказалъ онъ Базилю, карету Миссъ Жеоржетты. Мы оставили Милорда у одного изъ его друзей, которой не далѣе мили отсюда. Я долженствовалъ возвратиться къ нему завтра при солнечномъ возхожденіи; но, любезной другъ, я возлагаю сію должность на тебя, и ты съ нимъ пріѣдешь. — Базиль ско-

ро потомъ увидѣлъ Жержетту, которую коротко увѣдомляетъ о причинѣ его путешествія, скрывая однако невѣрность ея любовника, и наконецъ пріѣзжаетъ къ Милорду.

ГЛАВА II.

Молодой дикой заключенъ въ темницу и приговоренъ къ смерти.

Жеоржетта, будучи поражена, какъ громовымъ ударомъ, симъ извѣстіемъ, пріѣзжаетъ въ Лондонъ, въ домъ отца своего, находясь въ ужасномъ смятеніи; но вскорѣ, пришедши въ себя, проливаетъ источники слезъ. Она удалила всѣхъ своихъ прислужниковъ, дабы свободнѣе предать-

ся горести, какъ вдругъ Викторъ объявилъ ей, что одинъ молодой человѣкъ, никому неизвѣстный, въ безпорядочномъ одѣяніи, испуская тяжкіе вздохи, проситъ позволенія видѣть Миссъ Жеоржетту.

Это конечно Кораль, твой молодой господинъ, сказала она проливая слезы, коего разстроенный разумъ и мракъ ночи скрываютъ отъ глазъ твоихъ. Пусть онъ войдетъ.

Дѣйствительно это былъ Кораль, которой повергается къ ногамъ Жержетты. — Встань, нещастный другъ, сказала она ему, ободрись и говори со всею откровенностію той, которая думала только о тебѣ во время своего отсутствія, которая искала

тебя всюду и не находила, какъ только въ сердцѣ, и которую ты видишь готовою умереть, если не преклонитъ отца своего! но ради Бога встань! — Нѣтъ, Жеоржетта, позвольте мнѣ быть въ семъ положеніи! я потерялъ званіе человѣка и уподобляюсь лютому чудовищу! — Но что я вижу — о Небо! кровь на рукахъ твоихъ! . . . Говори, другъ мой, не уже ли ты столь жестокъ, что явился ко мнѣ, будучи пораженъ, можетъ быть, смертоносными ударами? . . .

Мнѣ оставалось сдѣлаться преступникомъ, чтобы учинить-ся предметомъ всей вашей невинности — и то свершилось! Я обагрилъ кровію человѣка, кото-

рой изпустилъ духъ отъ моихъ ударовъ! — Ты, Кораль — ты учинился убійцею? — Другой на моемъ мѣстѣ оправдался бы тѣмъ, что соперники были равные; но я — будучи еще воспитанникомъ Природы, съ теперешнимъ просвѣщеніемъ, — я пролилъ кровь себѣ подобнаго! и чувствую, что сердце мое ею обливается! . . . Тщетно я отдаляю отъ себя мысль злодѣянія; тѣнь жертвы моей всюду за мной слѣдуетъ! — И такъ, Кораль, видя сіе терзаніе совѣсти, происходящее отъ вашего преступленія, прощаю я вамъ всѣ ваши заблужденія! Сіи чувствованія свойственны покмо честному человѣку! — Вы почитаете меня честнымъ человѣкомъ! А сія про-

литая кровь, Жеоржетта! . . . а имѣніе моего благодѣтеля, которое я разточилъ! . . . и Жеоржетта! . . . — Вы не забыли конечно Жеоржетту? — Кораль, вмѣсто отвѣта, снимаетъ съ груди своей портретъ, и осыпаетъ его поцѣлуями. — Ахъ! что я вижу? вскричала она; это уже не мой портретъ! — Кораль смотритъ и произаетъ портретъ Лауры: Божеское правосудіе! вотъ твое наказаніе! тебя избѣгнуть не возможно! исполняй мѣру твоего мщенія: я учинился преступникомъ всѣхъ злодѣяній! — Дерзновенный! прочь съ глазъ моихъ! такъ, сіе вѣроломство мнѣ доказываетъ, что ты теперь учинился преступникомъ всѣхъ злодѣяній! я тебя

презираю! удались — ты дѣлаешь мнѣ безчестіе!

Кораль, находившійся у ногъ Жеоржетты, встаетъ, не говоря ни слова, и удаляется.

Между тѣмъ Сіпенгель, предувѣдомленный вѣрнымъ Базилемъ о поведеніи юнаго его воспитанника, поспѣшаетъ возвратиться, не зная, какую сторону долженъ принять. — Онъ съ охотою прощаетъ ему проигрышъ, учиненный имъ въ игрѣ, къ которому привлеченъ онъ былъ разпутнымъ человѣкомъ; по сему слѣдствія сего заблужденія не могутъ сдѣлать препятствія къ поправленію молодаго человѣка; но Жеоржетта, которая забыта, которой измѣнили — вотъ,

что погружаетъ его въ смятеніе.

Едва успѣлъ онъ пріѣхать къ Жеоржеттѣ, находившейся въ отчаяніи, какъ узналъ, что Кораля, обличеннаго въ смертоубійствѣ, ищетъ Правительство .... Новыя замѣшательство погружаютъ сего добраго Лорда въ неописанное положеніе.

Кораль скитался по Лондону, представляя себѣ ужасную картину своихъ дѣяній и воображая первыя свои лѣта пропекшія въ невинности, а настоящія окруженныя преступленіями; будущіяжъ казались ему страшными. „Что со мною будетъ на землѣ? говорилъ онъ самъ себѣ. Будучи одинъ, оставленъ, безъ

утѣшенія, я достигну старости и гроба, мучимъ угрызеніями совѣсти, не вкушая ни одной минуты покоя въ продолженіи горестнаго сего времени!

Поутру удрученный еще унынiемъ, онъ пошелъ въ Сенп-Жамской звѣринецъ, какъ вдругъ окруженъ былъ людьми, которые остановили его, и увели въ Невгатъ, по причинѣ доноса, учиненнаго на него въ Правительствѣ.

Въ тотъ же день отведенъ былъ въ Трибунатъ и приговоренъ къ смерти на Тибурнѣ.

Тщетно старается Спенгель оправдать его преступленіе, прилагая къ тому усилія, свойственныя единому токмо отцу; онъ не можетъ смягчить строгости

законовъ. Но когда приговоръ былъ объявленъ, то въ уваженіе его сдѣлали нѣкоторое снисхожденіе, то есть, что надъ нещастнымъ виновникомъ – долженствовавшимъ умереть поною смертію – совершится казнь во время ночи.

Стенгель съ разтерзаннымъ сердцемъ возвращается домой, дабы облегчить горесть своей дочери, которая конечно дожидается его въ слезахъ. Но какія жестокія предчувствія овладѣли имъ, когда узналъ, что она, увѣдомясь о приговорѣ, внезапно скрылась изъ дому, одна пѣшкомъ, не сказавъ ни слова! — Куда она скрылась? вскричалъ онъ, не хочетъ ли послѣдовать за тѣмъ нещастнымъ, коего обо-

жаетъ? Не уже ли лишился я обоихъ дѣтей моихъ? не уже ли долженъ умереть въ слезахъ, будучи старъ, дряхлъ и безъ подпоры, и умирать стократно, ожидая желаемаго конца дней моихъ?

День клонится къ вечеру. Еще нѣсколько часовъ, и молодаго дикаго не будетъ болѣе.

Глухой барабанной бой поражаетъ слухъ его; онъ означалъ сборъ солдатъ, долженствующихъ весть его въ долину Сутваркъ, которая окружаетъ рѣку Темзу, и гдѣ острая сѣкира должна прекратить жизнь его. Врата темницы колеблются и двери съ скрипомъ отворяются. Кораль, окруженный солдатами, идетъ на смерть. Уже полночь:

казнь учинится никѣмъ невидима; по крайней мѣрѣ онъ тѣмъ услаждаетъ горесть свою, что не будетъ окруженъ чернью, которая смѣшиваетъ крики своей звѣрской радости съ рыданіями преступника.

Онъ съ удивленіемъ примѣчалъ, что начальникъ, вмѣсто того, чтобъ предводительствовать своими солдатами, находился всегда близь него въ дорогѣ, оказывая видъ живѣйшаго и трогательнаго участія. — Вы, какъ кажется, сожалѣете обо мнѣ, государь мой? сказалъ ему Кораль; я ни мало не страшусь смерти. — Примите сіе письмо и сей кошелекъ, отвѣчалъ ему начальникъ тихимъ голосомъ; оно отъ Жеоржетты, скитаю-

щейся въ сію минуту по берегу Темзы, которая, видя васъ приближающагося къ смерти, рѣшилась броситься въ воду, если смертный ударъ надъ вами совершится. Спасайтесь! солдаты мои подкуплены. Они притворно васъ станутъ преслѣдовать, споспѣшествуя вашему бѣгству, если то будетъ нужно. —

Усышавъ имя Жеоржетты, Кораль беретъ письмо и кошелекъ, кажется скрывающимся отъ бдительности солдатъ, изчезаетъ во мракѣ ночи, доспигаетъ поля, и пускается по неизвѣстному пути. Онъ, не отдыхая, бѣжалъ около двухъ часовъ, устремляя взоры свои къ востоку; наконецъ примѣтилъ съ радостнымъ трепетомъ, что

небо позлащаться начинало утреннею зарею. Кораль развертываетъ письмо Жеоржетты и читаетъ:

„Я убѣдила, умолила, на „колѣняхъ, въ слезахъ, смягчи„ла начальника, подкупила сол„датъ его — спасайся!“

„Живи честно. Прими сви„дѣтелемъ Небо во всѣхъ твоихъ „дѣяніяхъ. Ступай въ столицу „Франціи — тамъ любятъ ино„земцовъ. . . . какая тамъ послѣ„дуетъ съ тобою участь? . . . . „А Жеоржетта? . . . . Мнѣ о „многомъ надлежалобъ тебя увѣ„домить; но слезы въ томъ мнѣ „препятствуютъ! . . . . Прощай, „Кораль — можетъ быть — на„всегда!! —“

„*Злополучная Жеоржетта.*“

Коралъ, угнѣтенный столь различными непріятностями, ложится на траву, и соображаетъ по порядку въ мысляхъ всѣ обстоятельства, для учрежденія будущаго своего поведенія.

Я возросталъ въ тѣни блаженства! говорилъ онъ самъ себѣ; и находясь близъ Жеоржетты и Милорда, воспарялъ къ небесамъ; но сдѣлавшись невѣрнымъ, клятвопреступникомъ — неблагодарнымъ, въ среди юности изсохну и состарѣюсь подобно цвѣтку, едва распустившемуся, коего соки снѣдаютъ насѣкомыя! У меня нѣтъ болѣе отца — любезной — остался одинъ въ мірѣ! Фортуна была для меня слѣпа и наградила меня удѣломъ бѣдныхъ. — Какъ солнце будетъ медлител

но въ своемъ теченіи! какъ ночи — кои усладятъ меня сномъ — будутъ скоропечны!

Но можетъ быть меня теперь преслѣдуютъ. Естьли я буду опять приведенъ въ Лондонъ . . . Жеоржетта меня еще любитъ и Темза глубока! — Онъ встаетъ — располагается и отправляется чрезъ долину къ югу. Вскорѣ потомъ прибылъ на дорогу, ведущую къ Франціи.

ГЛАВА III.

Онъ удаляется отъ Лондона. Различныя приключенія.

Онъ пришелъ около полудня въ городъ Рочестеръ, и входитъ въ первый трактиръ. Объятъ будучи страхомъ, чтобъ не быть

лойману, молодой Дикой проситъ особенной комнаты у одного важнаго и глубокомысленнаго человѣка, ходящаго въ шапкѣ изъ чернаго бархата, и коего принялъ онъ за хозяина трактира. — Нѣтъ, другъ мой, для васъ приличнѣе идти къ столу прибывшихъ гостей, коихъ вскорѣ будутъ угощать. Пройдите въ залъ: тамъ найдете вы много честныхъ путешественниковъ, подобныхъ вамъ. Тамъ всегда бываютъ такіе, кои повѣствуютъ о произшествіяхъ дня; и трапеза, услажденная занимательными новостями для Англіи, покажется вамъ пріятнѣе. — Молодаго Дикаго проводили въ залъ.

Колокольчикъ звонитъ: каждой занимаетъ свое мѣсто. Глубокомысленный Философъ садится посреди стола. Молодой Дикой сѣлъ возлѣ чужестранца, коего черты лица изъявляли горесть и безпокойство.

Уже подавали кушанье, какъ вдругъ одна служанка вбѣжала въ смятеніи, говоря: полицейскіе! полицейскіе! — Что бы это значило? сказалъ встревоженный трактирщикъ; я туда бѣгу! — Онъ выпиваетъ рюмку, вытираетъ бороду, складываетъ по обыкновенію салфетку, и встаетъ, дабы успокоить скорѣе смятеніе гостей своихъ, какъ вдругъ толпа полицейскихъ входитъ въ залу: вотъ тотъ, кого намъ надобно! говорили они,

указывая на ту сторону, гдѣ находился обробѣвшій молодой Дикой — теперь онъ не можетъ насъ избѣгнуть! — За что? меня? вскричалъ онъ. — Ахъ! кто говоритъ про васъ? отвѣчали ему. И въ тужъ минуту схватили его сосѣда, коего отводятъ въ темницу.

Вскорѣ потомъ тишина возвратилась. Каждый размышляетъ о семъ произшествіи. Одинъ молодой человѣкъ, пріѣхавшій изъ Лондона, сказалъ: я вамъ разскажу довольно любопытное приключеніе: Знаменитый Лордъ Стенгель, столь извѣстный въ Вестминстерѣ (услышавъ сіе имя, молодой Дикій внемлетъ съ трепещущимъ сердцемъ), имѣетъ дочь, по имени Жеоржетту, которую хотѣлъ

отдать въ супружество за одного молодаго Дикаго, вывезеннаго имъ за нѣсколько лѣтъ изъ южной Америки. Жеоржетта — которой долженствовалобъ погнушаться таковымъ выборомъ — была столь глупа, что на то согласилась. Надлежало уже браку совершиться, какъ вдругъ по глупости своей Дикой умерщвляетъ человѣка; преступникъ взятъ, и сдѣланъ приговоръ, состоящій въ отрубленіи ему головы въ ночное время. Но, въ минуту совершенія казни, онъ скрывается. — Однакожъ Жеоржетта вообразивъ, что его уже нѣтъ болѣе, и пришедши въ отчаяніе, бросилась въ Темзу .... Но что сдѣлалось сему господину? сказалъ онъ, увидя перемѣ-

ну въ лицѣ молодаго Дикаго. По видимому онъ столь же подвигнутъ, какъ и я, негодованіемъ, что преступникъ свободенъ, а невинная погрузилась въ воду! Ободритесь! Дикой не узкользнетъ отъ Полиціи, и надѣюсь увидимъ его скоро на Тибурнѣ.

По какимъ причинамъ, спросилъ трактирщикъ, догадываются, что Жеоржетта погибла въ Темзѣ? — По тому, отвѣчалъ другой, что ее видѣли вчера въ отчаяніи скитающуюся по берегу, а въ полночь она не возвращалась еще къ отцу.

Ахъ! возразилъ ободренный молодой Дикой, сіе послѣднее изъясненіе весьма касалось до вашей повѣсти! Какъ вы меня утѣшили, государь мой! смерть

Жеоржетты, какъ мнѣ кажется, есть одна догадка. Все на семъ свѣтѣ основано на мнѣніяхъ, такъ какъ и смертоубійство, учиненное молодымъ человѣкомъ. — Но вообразите, что это былъ Дикой, и что сей родъ людей питается человѣческимъ мясомъ. Вотъ на примѣръ, вы добры и имѣете чувствительность; это видно и на лицѣ вашемъ, — вмѣсто того, что Дикіе имѣютъ въ чертахъ своихъ изображеніе свирѣпости. Я видѣлъ сто разъ сего маленькаго Дикаго; и повѣрьте, что съ одного взгляду можно узнать его совершенно.

Молодой Дикой, наскучившій разсказами пустослова, расплачивается съ трактирщикомъ и продолжаетъ путь свой.

Онъ шелъ пѣшкомъ, не чувствуя еще усталости. Вскорѣ настигла его карета старика, коего онъ видѣлъ за столомъ въ трактирѣ. — Молодой человѣкъ! сказалъ онъ ему: вы мнѣ понравились изъ немногихъ словъ, которыя вы говорили; я знаю человѣческое сердце, и вы должны быть человѣкъ честной. Жаръ силенъ, и я прошу васъ сѣсть со мною. Я удрученъ горестями; но, сдѣлавъ вамъ маловажную услугу, могу нѣсколько утѣшиться.

Молой Дикой — тронутый словами старика, съ почтеніемъ и довѣренностію къ сѣдинамъ его — принимаетъ его предложеніе съ благодарностію. Далеко ли ты идешь, другъ мой? — Въ столицу

Франціи. — Слѣдовательно до того мѣста ты будешь моимъ товарищемъ? — Вы проливаете слезы? — Я всегда ихъ проливаю. — Естьли васъ обидѣли, сказалъ молодой Дикой съ прогательностію, ваши гонители нѣкогда достойны будутъ болѣе васъ сожалѣнія! ихъ совѣсть довольно отмститъ за васъ! — Сіе мнѣніе сомнительно; а тотъ, который отправилъ послѣдніе дни мои, осквернилъ душу свою чрезвычайными злодѣяніями! — Едва старикъ сдѣлалъ сей отвѣтъ, какъ погрузился въ глубокую задумчивость. Глаза его устремились на мѣдной ящичекъ, при немъ находящійся, и всѣ его мысли, казалось, обратились къ предмету въ немъ скрывавшемуся. Молодой Дикій,

кораженный вниманіемъ его, взглянулъ пкже на ящикъ; но вдругъ почувствовалъ живѣйшее содроганіе, увидѣвъ слово, на немъ начертанное крупными литерами: мщеніе!

Молодой человѣкъ, пришедшій въ трепетъ, онѣмѣлъ, и ему мнится, что онъ находится съ мстителемъ Воода. Конечно сей старикъ узналъ его; онъ представляетъ его взорамъ сіе ужасное слово для продолженія мученія. Терзая его симъ приводящимъ въ трепетъ преступника образомъ, наконецъ исполнитъ свое злоумышленіе.

Таковы были мысли Корала. — День склоняется къ вечеру, сказалъ ему наконецъ старикъ; я имѣю при себѣ ужинъ.

Мы подкрѣпимъ свои силы, а естьли вамъ угодно, то поѣдемъ всю ночь. — Молодой Дикой воображаетъ, что его хотятъ отравить. Я не имѣю апетиту, отвѣчалъ онъ, но мнѣ нуженъ покой. Я остановлюсь въ ближайшемъ трактирѣ, пожелавъ вамъ благополучной дороги. — Хорошо, сынъ мой! я ие буду тебѣ противиться; мы ночуемъ въ ближайшемъ трактирѣ.

Тогда молодой Дикой не зналъ, какъ расположить свои мысли. Предамся судьбѣ, думалъ онъ, — но со всѣмъ тѣмъ я долженъ умереть! Естьли мои опасности справедливы, то не много потеряю, когда лишусь жизни!

Между тѣмъ онъ взялъ твердое намѣреніе, когда остановится

живъ, удалишься на разсвѣтъ слѣдующаго дня, какъ еще старикъ погруженъ будетъ во снѣ.

Они дѣйствительно останавливаются въ первомъ трактирѣ. Имъ отводятъ двѣ, находящіяся вмѣстѣ, комнаты. Старикъ, держа свой ящичекъ въ рукахъ, занимаетъ переднюю; и бѣдной Дикой принужденъ былъ помѣститься въ задней, не могши исполнить своего намѣренія.

Онъ не раздѣвшись бросается въ постель, сказавъ: я погибъ! и не могу избѣгнуть мщенія старика!

Уже три часа било, какъ онъ лежалъ, не помышляя сомкнуть глазъ — но вдругъ слышитъ, что его удивительной сосѣдъ тихо встаетъ и опирается

на двери его, какъ будто бы желая узнать, спитъ ли онъ. Молодой Дикой удерживаетъ дыханіе свое, и слышитъ произносимыя имъ слова тихимъ голосомъ: о чадо мое! да успокоится прахъ твой! отецъ твой живетъ дыша мщеніемъ! Клянусь симъ оружіемъ, что ты скоро будешь отмщено!

Молодой Дикой, не имѣя оружія, видитъ токмо единый и притомъ сомнительной способъ къ спасенію, то есть, броситься въ окно. Онъ уже хотѣлъ низвергнуться изъ онаго на дворъ, наполненный каменьями, какъ вдругъ старикъ отворяетъ незапно дверь его комнаты. — Ты не спишь, другъ мой? сказалъ онъ ему ласковымъ голосомъ; но конечно не имѣешь такихъ горе-

стей, кои меня удручаютъ въ то время, которое опредѣлено для успокоенія. — Государь мой! отвѣчалъ онъ съ боязливымъ видомъ — я все слышалъ, и вижу! . . . — Ты меня слышалъ? и такъ пойдемъ смотрѣть зрѣлище, которое занимаетъ всѣ часы мои! Но — кажется вы ужасаетесь! могу ли я привесть въ страхъ невиннаго? преступникъ долженъ только трепетать! Вскорѣ, надѣюсь я, онъ соединится съ своею жертвою. Потомъ взялъ его за руку, и отвелъ въ свою комнату. — Боже! вскричалъ молодой Дикой, человѣческое сердце омывается въ крови! — Вотъ что сокрываетъ въ себѣ ящичекъ, на которой вы часто устремляли смущенные

свои взоры. Это сердце моей дочери, умерщвленной чудовищемъ — супругомъ!

Смущенный, но ободренный молодой Дикой спрашиваетъ его о произшествіи сего приключенія. — Поди, другъ мой, успокойся сномъ; завтра узнаешь ты повѣсть нещастнаго Вилерсона.

ГЛАВА IV.

Исторія путешествующаго его сотоварища.

День настаетъ; путешественники наши садятся въ карету, и Вилерсонъ разсказываетъ свою исторію:

Лишившись великаго имѣнія во время продолжительнаго раздора въ Англіи, дочь моя, по

имени Юлія, не могла надѣяться получить супруга, которой бы соотвѣтствовалъ ея происхожденію, что только и занимало мои мысли. Между тѣмъ я сдѣлалъ отказъ требованію Министера, молодаго небогатаго человѣка, но которой рѣдкими своими качествами, какъ душевными, такъ и тѣлесными, привлекъ сердце моей дочери. Она хотѣла обладать Министеромъ, не желая богатства; но жестокосердый отецъ не внималъ ея просьбамъ. Фіермондъ, знатнаго происхожденія и чрезвычайно богатой, требовалъ у меня ея руки, и я былъ согласенъ на это, и Юлія, изъ почтенія къ отцу, также безъ противорѣчія покорилась моей волѣ, и принесла

кляпву при подножіи жертвенника, никогда не принадлежать Минстеру, коего она обожала, проводить жизнь въ объятіяхъ человѣка, закоснѣвшаго въ развратѣ и злодѣяніяхъ.

Фіермондъ казался сначала милымъ, и хитрыми своими уловками могъ легко меня обольстить. — Но едва минуло нѣсколько мѣсяцовъ послѣ сего бракосочетанія, какъ вмѣсто любезнаго человѣка явилось чудовище. Онъ сперва сдѣлался недовѣрчивымъ и ревнивымъ до бѣшенства; глаза его сверкали подобно какъ у свирѣпаго льва. Но Юлія употребляла разные способы, сообразные своему полу и прекрасной душѣ, обратить сего люпаго супруга въ чувствова-

ніямъ нѣжнѣйшимъ. Однакожъ пронырливой и хитрой Фіермондъ ни чѣмъ инымъ почиталъ ея угожденія, какъ притворными ласками женщины, которая скрываетъ осторожно тайную любовь. Это была правда: Минстеръ всегда занималъ ея мысли. Какія горести сокрывались въ сердцѣ моей бѣдной дочери! будучи обладаема пламенною страстію, не смотря на высокомѣрный и опасный нравъ Фіермонда, она не могла изтребить изъ сердца своего Минстера.

Фіермондъ пожелалъ узнать напослѣдокъ, какой родъ любви ему оказываютъ. Онъ тщетно прилагаетъ всѣ хитрыя средства обманчиваго и вѣроломнаго разсудка; но наконецъ послѣднее,

весьма его достойное, обнаружило его свойство.

Сіе случилось при семъ благоговѣйномъ случаѣ, когда чада Католицкаго исповѣданія, желая очиститься отъ грѣховъ, слагаютъ оные съ себя при колѣняхъ священнослужителя. — Юлія намѣревается исполнить сей священный долгъ, побуждаема будучи къ тому колеблющеюся совѣстію. Фіермондъ узнаетъ тотъ день и часъ. Золото его обольстило стражей церкви, и уже онъ, облекшись въ священническую одежду, ожидалъ къ себѣ Юлію въ семъ слабо лучами солнца освѣщенномъ храмѣ, которая наконецъ, пришедши въ храмъ, повергнулась къ стопамъ своего супруга, про-

изнеся сіи слова: отецъ мой! я учинилась супругою ненавистнаго мнѣ человѣка. Ни что не можетъ преодолѣть сей чрезвычайной ненависти. Я узнала, что юность его протекла въ развратности и злодѣяніяхъ. Чрезмѣрная покорность понудила меня соединиться съ нимъ въ то время, когда я обожала молодаго человѣка, образъ коего милъ былъ дня меня до принятія руки сего супруга! — Имѣете ли вы также и шеперь знакомство съ симъ молодымъ человѣкомъ? спросилъ у нее притворнымъ голосомъ ожесточенный Фіермондъ. — Вотъ въ чемъ я виновна, почитая преступленіемъ быть воспаленною къ нему огнемъ, коего утушить я не въ силахъ! Такъ,

отецъ мой, я признаюсь предъ симъ Богомъ, коего вы есть первѣйшій служитель, — что я имѣла съ нимъ ночныя свиданія въ саду моего жилища. . . .

Послѣ сего признанія, хранитель тайны ея вдругъ скрылся. Устрашенная Юлія возвращается къ себѣ, и въ безпокойствіи проливаетъ слезы на грудь отеческую. Юлія въ послѣдній разъ еще хочетъ видѣться съ Министеромъ тою ночью. Уже была полночь: она съ трепетомъ отправляется въ садъ, сопровождаема будучи вѣрною служанкою, которая всегда была свидѣтельницею ея ночныхъ свиданій. Тамъ находитъ она нещастнаго Министера, которой самъ, укрѣпя ее въ намѣреніи обратиться къ дол-

жностямъ супруги, принимаетъ нѣжныя и послѣднія ея прощанія.

Между тѣмъ Фіермондъ, коего ревность всеминутно тревожила, бродилъ по окружности сада. Вскорѣ услышалъ онъ ясно голосъ мущины и Юліи: тогда ярость имъ овладѣла; онъ вооружается симъ кинжаломъ, тихо подкрадывается къ Юліи, нападаетъ на нее и омываетъ руки свои въ крови ея, радуясь, что она испускала духъ при глазахъ молодаго человѣка, которой поощрялъ ее къ добродѣтели.

Фіермондъ, ужаснувшись самаго себя, скрылся въ обширной столицѣ Франціи.

При разсвѣтѣ дня, я пошелъ по моему обыкновенію обнять

дочь свою. Ты еще спишь? сказалъ я ей, нашедши ее безмолвною въ постелѣ. Но, о Небо! что со мною случилось? я увидѣлъ ее блѣдною и охладѣвшею! Я узналъ, что Фіермондъ умертвилъ дочь мою! Умирающь близь нее, для мщенія укрѣпилъ свои силы! изторгаю сердце, еще дымящееся, изъ ея внутренности! и сему-то сердцу кянусь я предъ Небомъ, которое меня внемлетъ, что я скоро избавлю землю отъ одного злодѣя!

Молодой Дикой вострепеталъ послѣ сего повѣствованія, и оказалъ старику сердечное свое сожалѣніе.

Между тѣмъ дорога продолжается; въ четыре дня прибыли

они въ Парижъ, и путешественники наши съ печалію разлучаются.

ГЛАВА V.

Молодой Дикой въ Парижѣ. — Неожидаемая встрѣча.

Молодой Дикой занимаетъ украшенный домъ въ улицѣ Ришелье. Услужливость всѣхъ людей, которые его окружаютъ, подаетъ ему преимущественную мысль о семъ обширномъ городѣ. — Онъ дѣйствительно вѣритъ низкимъ поклонамъ, которые ему всеминутно дѣлаютъ слуги, дворецкіе, портные и прочіе, не примѣчая того, что деньгамъ его столь низко кланяются, и что пятьдесятъ гвиней, составляющія его имѣ-

ніе, скоро издержаны будутъ на учтивости.

Онъ занялъ первой этажъ; нанимаетъ карету, одѣвается отлично и уже въ числѣ щеголей. — Всякой почитаетъ его Лордомъ по виду и издержкамъ; по крайней мѣрѣ стараются величать его Милордомъ.

Онъ обозрѣваетъ всѣ мѣста, соединяющія всѣхъ особъ хорошаго вида, пріятности и ловкости коихъ онъ удивляется. Взоры его безпрерывно поражаются симъ соединеніемъ разнообразныхъ предметовъ, гдѣ вкусъ является во всемъ блескѣ; но онъ всегда возвращался къ себѣ съ унылою душею, разсуждая съ самимъ собою: къ чему сіе послужитъ?

Однажды, прогуливаясь въ Тюльери, онъ примѣчаетъ, что двѣ, хорошо одѣтыя женщины останавливаются и смотрятъ на него съ довольнымъ безстыдствомъ. Почитая ихъ за такихъ, коихъ поступки достойны презрѣнія, онъ не обращаетъ къ нимъ вниманія и продолжаетъ свой путь. Но едва успѣлъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ сіи двѣ женщины къ нему приближаются. — Мнѣ право кажется, что это Сиръ Кораль! сказала одна изъ нихъ. — Молодой Дикой съ изумленіемъ смотритъ также на нее и узнаетъ Бетцію, преобразившуюся въ знатную Даму, которая обнимаетъ его и представляетъ своей подругѣ. — Онъ хладнокров-

но отвѣчаетъ ея горячимъ ласкамъ, не могши забыть, что Бетція первая отвратила его отъ Жеоржетты, и такимъ образомъ учинила его нещастнымъ. — Теперь, Сиръ Кораль, мнѣ нужно съ вами видѣться и поговорить о многомъ, касающемся до васъ особенно. Вопъ мой адресъ: я приму васъ, будучи еще въ постелѣ: это мое обыкновеніе. Однакожь, сказала она своей подругѣ, какъ ты думаешь о Сиръ Коралѣ? Онъ довольно пригожъ, не правда ли, а особливо для Дикаго? Кораль, я намѣрена перемѣнить вашъ характеръ; и естьли вы довольно пробудете въ Парижѣ, то увѣряю, что приведете въ отчаяніе всѣхъ женщинъ нашего свой-

ства, когда возвратитесь въ Лондонъ. Уже поздно: прощайте до утра!

Я, сказалъ молодой Дикой, будучи одинъ — я пойду къ сей сумазбродной женщинѣ? . . . . . Но Бетція хотѣла говорить со мною о предметахъ, касающихся до меня . . . . Въ моемъ положеніи никакого предложенія отвергнуть не можно . . . . такъ — я пойду!

На другой день онъ дѣйствительно пошелъ къ Бетціи, которая жила въ великолѣпномъ домѣ. Ни что не можетъ сравниться съ пышностію покоевъ. Онъ находитъ ее въ постелѣ, безъ всякаго покрывала — почти нагою. Но молодой Дикой съ хлад-

покровіемъ оказываетъ въ поступкахъ своихъ равнодушіе.

Скажитежъ мнѣ Бетція ..... О! какъ подло! Бетція ..... Фамилія моя госпожа дё Флоримонъ. — И такъ скажите, госпожа де Флоримонъ, какимъ образомъ нахожу я васъ въ такомъ сіятельномъ блескѣ щастія? — Я получая пятьдесятъ тысячь ливровъ годоваго доходу, доставъ въ наслѣдство имѣніе отъ одной престарѣлой тетки, умершей въ Парижѣ, тому два мѣсяца; сей домъ принадлежалъ ей; я поновила мебели, какъ вы то видите, и нахожусь у себя въ домѣ. Я совсѣмъ не къ тому рождена, чтобъ быть въ услуженіи; но произхожу отъ весьма знатной Фамиліи въ Шотландіи,

и чрезъ нещастіе попала къ Миссъ Жеоржеттъ. Но оставимъ мою повѣсть, до которой вамъ мало дѣла, и позавтракаемъ. — Она кличетъ своихъ камеръ-лакеевъ, кои приготовляютъ завтракъ, плѣняющій молодаго Дикаго, который почувствовалъ сильной аппетитъ. Но едва успѣлъ усладиться пріятнымъ его запахомъ, какъ увѣдомили, что пріѣхалъ *Господинъ*, коего громкой и важной голосъ слышимъ уже былъ въ ближней комнатѣ. — Ахъ, Боже мой! сказала смущенная Бетція, что дѣлать — какъ поступить? ..... Дражайшій Кораль! будьте столь великодушны, взойдите въ сей кабинетъ! я скажу только два слова сему несносному и отправлю его.

Добродушный и честный молодой Дикой соглашается туда взойти. Тогда входитъ съ шумомъ человѣкъ такъ какъ *Господинъ* дома — словомъ — къ себѣ. — Завтракъ! сказалъ онъ . . . развѣ вы знали, сударыня, что я застану васъ сего дня въ постелѣ? — Потомъ онъ садится и завтракаетъ. — Признайтесь, сударь, отвѣчала Бепція, что я съ своей стороны весьма благосклонна. Сего дня у меня сильная боль въ нервахъ, и сонъ меня изнурилъ! — Вы всегда больны, когда я васъ посѣщаю; напротивъ того вы здоровы, какъ скоро другіе молодые люди оказываютъ вамъ свое уваженіе! — Всё еще ревность! — Такъ, молодые люди! но я нарочно пріі-

ѣхалъ сего утра къ вамъ, сударыня, сказать, чтобъ вы перемѣнили свое поведеніе; иначежъ оставьте мой домъ, и я васъ обращу въ тожъ состояніе, изъ коего извлекъ!

Отчаянная Бетція видя, что съ нею такъ поступаютъ почти при глазахъ юнаго Кораля, радабъ была, естьли бы не говорила о теткѣ и наслѣдствѣ. Но однакожъ должно сносить сей стыдъ съ бодрымъ духомъ, чтобы не слишкомъ разгорячить сего стараго Президента, который составлялъ ея щастіе. И такъ она старается успокоить его, сказавъ ему, что нервная боль ее проходитъ. Сія рѣчь дѣйствительно его успокоила, и Сатиръ

въ золотыхъ галунахъ раздѣляетъ ложе ея.

Молодой Дикой видитъ сію женщину въ жалостномъ положеніи. Какъ она ни старалась увѣрить его о наслѣдствѣ и знатной фамиліи, но обманъ сей не привлекъ сильнаго его къ ней вниманія; рѣчь ея болѣе всего обнаружила ея порочные нравы.

Уже болѣе часа находился онъ въ семъ кабинетѣ. Посрамленъ будучи постыдною ролею, которую принудили его играть, онъ отворяетъ двери и входитъ въ комнату Бетціи, которая вышла проводить своего Президента до крыльца.

Почувствовали ли вы ту досаду, сказала ему Бетція, которую мнѣ причинилъ несносный

старикъ? — Досаду или удовольствіе, отвѣчалъ ей молодой Дикой, для меня все равно; мои дѣла меня призываютъ, и я остаюсь вашъ покорный слуга.

Такимъ-то образомъ онъ ее оставляетъ, обѣщаясь никогда болѣе не видѣть.

Двѣ недѣли протекли по пріѣздѣ его въ Парижъ; а онъ не думалъ еще заниматься экономіею. Скоро кошелекъ его истощился; и пришедши къ себѣ, дворецкой требуетъ за наемъ дома; но на отвѣтъ смущеннаго молодаго человѣка, и оставя вдругъ пышной титулъ Милорда, сказалъ ему уходя: однакожъ должно, Государь мой, заплатишь мнѣ сегожъ дня! —

Молодой Дикой оцѣнивая взоромъ свои платья, купленныя имъ весьма дорого, разплачиваетпся ими, оставя ихъ хозяину, и выходитъ изъ дома съ тѣмъ, чтобъ никогда въ него не входить.

Вотъ уже безъ пропитанія, скитаясь изъ улицы въ улицу, подвергаясь всѣмъ обидамъ, свойственнымъ нещастнымъ.

ГЛАВА VI.

Кораль вступаетъ въ должность коммисіонера.

Наконецъ достигъ я, сказалъ онъ самъ себѣ, главныхъ произшествій моей жизни! бѣдность, униженіе — вотъ мой удѣлъ!... Я, будучи сыномъ Природы —

рожденъ въ независимости щастливымъ, — не безпокоился о настоящемъ и не заботился о будущемъ! Спокойная и пріятная жизнь моя долженствовалабъ пропечь подобно прекрасному дню; но сдѣлавшись пріемышемъ Лорда, оставленъ на поносное поруганіе просвѣщенныхъ людей, принужденъ буду идти въ скучное рабство употреблять грубую пищу, носить соотвѣтственное сему состоянію платье, чрезъ которое ознаменуется уничиженіе нещастнаго.

Молодой Дикой, коего необходимости настоящаго дня угнѣтаютъ, а предъидущаго безпокоятъ, помышляетъ вдругъ о принятіи какой-либо должности; но онъ ни къ какой не способенъ.

Должно ему много времени употребить на привычку, чтобъ получать пропитаніе отъ своего ремесла. Онъ вступаетъ въ должность коммисіонера.

Но пристойно ли исправлять ту должность въ богатомъ платьѣ? .... должно оное перемѣнить и надѣть приличное его званію. Онъ идетъ къ продавцу лоскутныхъ товаровъ. — Мнѣ хотѣлось бы, Государь мой, сказалъ онъ ему стыдливымъ и тихимъ голосомъ, чтобъ вы дали мнѣ полное коммисіонерское платье, на мѣсто коего я отдамъ вамъ свое. — Купецъ намѣревался его удовлетворить, какъ вдругъ многіе молодые люди приходятъ къ нему за закупками. — Государи мои! сказалъ

имѣ купецъ, всякой долженъ имѣть свою очередь, а сей господинъ пришелъ прежде васъ. — Молодой Дикой проситъ его тщетно удовлетворить ихъ, дабы не учинить свидѣтелями своей бѣдной покупки. — Нѣтъ, сударь, отвѣчаетъ съ учтивостію купецъ, знающій обхожденіе; я долженъ прежде всѣхъ васъ удовольствовать. И такъ вы говорите, что вамъ нужно одѣться коммисіонеромъ съ ногъ до головы: вотъ полное платье. — Потомъ онъ снимаетъ одежду съ бѣдняка моего, почувствовавшаго свое униженное состояніе, и одѣваетъ его въ рубище бѣднаго — состоящее въ исподнемъ платьѣ, жилетѣ изъ красной камки, курпки изъ синей саржи,

и въ старой низкой шляпѣ. — Конечно, сударь, вы готовитесь быть шпіономъ? сказалъ ему одинъ изъ молодыхъ людей? — Тогда молодой Дикой собирается съ разсудкомъ, и не давая знать имъ о своемъ намѣреніи, спрашиваетъ ихъ, можно ли его узнать въ семъ нарядѣ. — Естьли вы остановитесь на какомъ нибудь перекресткѣ улицы, то вы будете обременены препорученіями. — И такъ — отвѣчаетъ молодой Дикой уходя — я восхищенъ!

Кораль, такимъ образомъ одѣтый, свергнулъ съ себя, вмѣстѣ съ богатымъ платьемъ своимъ, гордость тщеславія. Онъ не стыдясь останавливается у каретъ, дожидаясь платы отъ

первой посылки, дабы имѣть пропитаніе. Его скоро нанялъ слуга, нести связку товаровъ въ улицу Св. Анны. Это была самая та покупка тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ онъ видѣлъ у купца лоскутныхъ товаровъ. — Какъ! сказали они, увидя его и захохотавъ громко — по этому не въ шутку? — Уважайте нещастіе! сказалъ онъ имъ: такъ какъ оно довело меня до такого состоянія, то конечно богатства ваши не столь велики въ сравненіи съ тѣми, коими я наслаждался; вы не знаете, что можетъ быть нѣкогда будете еще достойнѣшими сожалѣнія, нежели я. — Молодые люди перестали насмѣхаться и сдѣлались снисходительнѣе. - Они съ благо-

склонностію предлагаютъ ему обѣдъ, и платятъ ему съ излишествомъ.

Онъ избираетъ себѣ жилище въ улицѣ *Жоклетъ*, обиталищѣ бѣдныхъ; ищетъ себѣ спокойствія, угнѣтаемъ будучи печальными размышленіями.

На другой день онъ опять занимаетъ свой постъ; но посылокъ никакихъ не случилось, и голодъ началъ безпокоить его.

Тогда Бетція приходитъ на мысль ему. Онъ представляетъ презрѣніе, коего достойна безчестная женщина. Бѣдной всегда остается справедливымъ, будучи не въ силахъ уже осуждать пороки. Подобно тому, кого морская волна влечетъ, и которой хватается за все по

что является къ его спасенію, — молодой Дикой, претерпѣвая люпость голода, надѣется на богатство сей женщины, и ласкается, что она можетъ помочь ему, представивъ ей картину своей бѣдности. И такъ принимаетъ онъ намѣреніе просить позволенія чрезъ записку, ее видѣть. Онъ отправляется въ домъ ея, и у воротъ ожидаетъ отвѣта.

„Вы желаете у меня нынѣ „отобѣдать, отвѣчаетъ ему „Бетція внизу его записки. „Кстати — я ожидаю друзей, „которые васъ знаютъ по мо„имъ рѣчамъ, и кои лично хо„тятъ узнать сего молодаго Ди„каго, столь славящагося. По„жалуйте ко мнѣ не ранѣе, какъ

„въ пять часовъ; до того вре-
„мени я никому не показываюсь.
„Прошлой разъ вы оставили меня
„нѣсколько сурово; но такъ
„какъ вы теперь разкаяваетесь,
„то я васъ и прощаю.

„*Гжа де Флоримонъ*."

Новое смятеніе! сказалъ онъ самъ себѣ, по прочтеніи письма ея. Какъ явиться мнѣ такимъ образомъ одѣтымъ въ собраніе людей хорошаго вида и по платью встрѣчающихъ!

Между тѣмъ необходимость содѣлала недѣйствительнымъ его разумъ. Пять часовъ приближаются, съ трепетомъ ожидаемые. Молодой Дикой отправляется къ Бетціи, попеременно подвергаясь страху и отчаянію.

Но, о жестокое предвозвѣщаніе первой встрѣчи! грубые слуги захохотали, когда онъ объявилъ о себѣ. Наконецъ они докладываютъ объ немъ, и Бетція, которая назначила ему первое мѣсто, сообщаетъ всему собранію восхищеніе своей радости, вставши съ великимъ шумомъ для встрѣчи.

Молодой Дикой коммисіонеромъ является. — Боже! вскричали совсѣхъ сторонъ презрительнымъ голосомъ . . . О ужасъ! — я палъ въ бѣдность, сказалъ Кораль Бетціи, съ того дня, какъ я увасъ былъ; вы не почтете то за вину, если ли я явился глазамъ вашимъ въ плачевной наружности, означающей мое званіе, которое судьба

мнѣ опредѣлила! — Я! отвѣчала презрѣнія достойная Бетція, я тебя не знаю! Какое можетъ быть знакомство между тобою и мною!! — Какъ! вы не та самая Бетція, которая служила у Лорда Стенгеля? а я не тотъ Кораль, долженствовавшій жениться на молодой вашей барышнѣ! — Грубіянъ! возразила она — и тотчасъ призываетъ людей своихъ, которые выводятъ его за ворота.

Читатель! оставимъ молодаго Дикаго, коего Бетція презираетъ; оставимъ его проклинающимъ тотъ день, въ которой вступивъ на Гишпанской корабль, онъ лишился въ одну минуту спокойствія, щастія и отечества; оставимъ

его влекущимъ бѣдную жизнь свою въ Парижѣ, гдѣ злой рокъ безпрестанно его преслѣдуя, приготовляетъ новыя средства къ гоненію — и обратимся въ Лондонъ.

ГЛАВА VII.

Георжетту назначаютъ въ супружество. Она пріѣзжаетъ въ Парижъ.

Между тѣмъ одинъ изъ Королевскихъ Министровъ, имѣвшій великую дружбу съ Стенгелемъ, узналъ о приговорѣ, учиненномъ надъ молодымъ человѣкомъ, коему сей Лордъ отдавалъ дочь свою, и коего любилъ какъ своего сына. Онъ отправляется къ нему для успокоенія его печали. — Стенгель! ска-

залъ ему Министръ, дочь ваша прекрасна, добродѣтельна и отмѣнно воспитана; я прошу васъ отдать ее за Лорда Фальсплина, моего искренняго друга. Увѣряю васъ, что соединеніе его вскорѣ предастъ забвенію неблагодарнаго — что я говорю? чудовища! И такъ, дадите ли вы мнѣ честное слово? слышите! я предупреждаю васъ, что буду неотступно просить, и чтобъ чрезъ три дни бракъ былъ совершенъ. Вамъ то извѣстно — Фальсплинъ самый любезнѣйшій и богатѣйшій человѣкъ въ Великобританіи.

Стенгель, такимъ образомъ убѣжденный своимъ другомъ, склоняется на его желаніе и даетъ въ томъ свое слово.

Министръ, въ надеждѣ сей, приказываетъ въ тужъ минуту дѣлать приготовленія къ великолѣпному торжеству брака.

Жеоржетта, отъ которой скрытно дѣлали приготовленія, скоро однакожъ о томъ узнала. Она спѣшитъ броситься къ ногамъ своего отца и умолить, чтобъ не быть женою Фальсплина.

Дочь моя! сказалъ ей Лордъ, я не могу нарушить даннаго мною слова. Брачные договоры подписаны, и уже съ пышностію ихъ торжествуютъ: я долженъ жертвовать вдругъ благопріятствомъ Министра и своею честію. Я конечно отецъ; но я честенъ, и притомъ Лордъ! я лучше соглашусь лишиться все-

го — даже и жизни, нежели потерять честь! слѣдовательно, любезная дочь, не безпокой меня болѣе твоимъ сопротивленіемъ. Лордъ Фальсплинъ уважаемъ, молодъ, богатъ, знаменитъ, и время уменьшитъ наши горести.

Жеоржетта коротко знала отца своего — знала, что ни чемъ не можно перемѣнить его намѣренія. Она ненавидѣла Лорда Фальсплина; мысль принадлежать ему возмущала ея душу — помрачала разсудокъ, и наконецъ рѣшилась потерять въ одинъ день достоинство своего званія — щастіе — любовь отеческую. Она приняла жестокое и опасное намѣреніе отправиться въ Парижъ, искать тамъ своего любовника, соединить его участь съ своею,

и жить по крайней мѣрѣ для него.

Между тѣмъ день брака приближается. ЛондонЪ ожидаетъ онаго, какъ бы какого великолѣпнаго позорища, а Жеоржетта трепещетъ. Она имѣла у себя повѣренною своихъ горестей одну служанку, которая ободряла ее къ отъѣзду. Положитесь на мою къ вамъ преданность; сего вечера карета будетъ готова. Вы притворитесь въ необходимости имѣть успокоеніе, дабы освободиться скорѣе отъ ласкательныхъ призѣтствій, которыя будущее супружество къ вамъ привлекаетъ; и въ то время, когда почтутъ васъ погруженною въ глубокой сонъ, мы будемъ находиться на дорогѣ, ведущей къ

столицѣ Франціи, убѣждая постиліона не страшиться никакой погони.

Все благопріятствуетъ намѣренію Жеоржетты. Она беретъ свои алмазы, нѣсколько гвиней, и выходитъ изъ дому отца своего сопровождаема вѣрною своею служанкою, будучи скрываема отъ всѣхъ глазъ ночною темнотою. Уже бьетъ десять часовъ, и легкія лошади ихъ уносятъ; никакого произшествія не случилось имъ на дорогѣ. Онѣ пріѣзжаютъ скоро въ Парижъ, и останавливаются безъ всякой пышности въ улицѣ *де Филъй Сенп-Томасъ*, и начинаютъ разыскивать.

О случай! ты соединяешь нашихъ любовниковъ въ двухъ смежныхъ улицахъ! Изъ своего

чердака молодой Дикой можетъ видѣть Жеоржетту въ ея комнатѣ! . . . Единая встрѣча — и они благополучны!

Молодой Дикой, будучи болѣе щастливъ, нежели въ первые дни своей бѣдности, находитъ работу и пропитаніе. Онъ обращалъ въ пользу сіе жестокое испытаніе жребія, укрѣпляя душу свою противъ помрачающаго блеска богатствъ, коихъ химера упоеніе душу человѣковъ и погружаетъ ихъ въ скуку, безпечность, пороки и вѣроломство. Таково было мнѣніе молодаго Дикаго, которой не могъ еще привыкнуть къ перемѣннымъ случаямъ общественнаго состоянія. Въ Лондонѣ до сего времени сіи примѣчанія рѣдко представлялись его разсудку.

Находясь посреди богатства, онъ съ презрѣніемъ обращалъ взоры свои къ нещастнымъ; но теперь, самъ раздѣляя ихъ злополучіе, уничиженіе, рубище и поруганіе, коему они подвергнуты, объ нихъ сожалѣетъ, и защищаетъ ихъ злополучіе противъ того состоянія, которое ихъ угнѣтаетъ!

По обыкновенію своему, останавливался онъ на биржѣ. Служанка Жеоржетты, желая сыскать коммиссіонера, слышитъ его говорящаго, познаетъ въ произношеніи его Англійской выговоръ, и по нѣкоторой симпатіи, клонящейся всегда къ пользѣ соотечественника, предпочитаетъ его прочимъ, и съ того времени

дѣлаетъ ему случающіяся у нее препорученія.

Однажды, какъ онъ находился въ передней Жеоржетты ожидая приказаній, служанка пошла къ госпожѣ своей спросить, желаетъ ли она видѣть сего молодаго Англичанина коммиссіонера, коего усердіе и честность часто ей выхваляла? — Онъ пріѣхалъ изъ Лондона, сказала она ей; можетъ быть видалъ тамъ молодаго Дикаго, слѣдственно можетъ сыскать его въ Парижѣ, а особливо въ домахъ, занимаемыхъ чужестранцами; притомъ сей молодой Дикой всѣмъ извѣстенъ въ Лондонѣ; я право думаю, что я одна его только не знаю. — Что ты мнѣ предлагаешь? тогда-то сей коммиссіо-

нерѣ легко узнаетъ дочь Стенгеля въ юной Англичанкѣ, отыскивающей такимъ образомъ Кораля въ Парижѣ, и онъ безъ труда можетъ извѣстить обо мнѣ моего родителя, думая пріобрѣсть тѣмъ его милость, — сего родителя, коего побѣгъ мой конечно погрузилъ въ горесть, и коего справедливой гнѣвъ заставляетъ меня теперь трепетать! — И такъ, сударыня, не извольте безпокоиться, и позвольте мнѣ воспользоваться усердіемъ и дружбою коммиссіонера. Онъ не можетъ знать, что теперь находится въ жилищѣ дочери Лорда Стенгеля, потому что я ему говорила, что нахожусь въ услуженіи у господина. Подлинно, кажется, само Небо послало его

ко мнѣ, чтобъ быть моимъ сотрудникомъ въ окончаніи вашихъ горестей! Позвольте мнѣ приняться за дѣло — говорю я вамъ; разсудокъ мой подаетъ мнѣ вѣрное средство къ отысканію молодаго Дикаго безъ всякаго препятствія.

Въ тужъ минуту служанка идетъ въ переднюю, гдѣ находитъ Кораля опершимся на палку, для принятія отдохновенія отъ дневнаго труда. — Послушай, другъ мой, надлежитъ тебѣ употребить нѣсколько дней для розысковъ, за кои щедро будешь награжденъ. Господину моему препоручено преслѣдовать и остановить одного молодаго распутника, мѣстопребываніе коего конечно вскорѣ вы може-

те узнать. — Государыня моя! вы предлагаете коммисію весьма мнѣ несвойственную; я хотя бѣденъ, но честенъ, и занимаюсь только тѣми должностями, которыя никому не вредятъ. — Не извѣстно ли тебѣ произшествіе о томъ молодомъ Дикомъ, который скрылся изъ Лондона въ ту минуту, когда долженствовалъ получить казнь? Боже! вскричалъ онъ — и мгновенно изчезаетъ.

Жеоржетта, узнавъ о семъ скоромъ отшествіи, поражена была предчувствіемъ надежды. — Опиши мнѣ сего коммисіонера! сказала она съ жаромъ. — Онъ имѣетъ прекрасной станъ; его смуглое лицо соединяетъ въ себѣ сколь много привлекательнаго,

что не можно довольно на него насмотрѣться; но на челѣ его изображено томное уныніе. — Такъ, это онъ . . . . это мой любовникъ! Поспѣшимъ! но гдѣ найти его? — Я знаю его жилище. — Тогда пришедшая въ восхищеніе Жеоржетта порядочнѣе одѣвается и отправляется къ молодому Дикому, сопровождаема будучи своею служанкою. Онѣ взошли въ шестой этажъ, и совсѣмъ запыхавшись являются семейству бѣдныхъ, его сосѣдямъ, коихъ находятъ въ слезахъ, лежащихъ на полу мрачной и пустой комнаты. — Не у васъ ли молодой сосѣдъ коммисіонеръ? спросила у нихъ Жеоржетта. — Еще сего утра! сказалъ отецъ сего семейства; но

онъ лишь только теперь съ нами проснился; злые его преслѣдуютъ: вотъ отъ чего мы проливаемъ слезы! — Но извѣстно ли вамъ, сказала унывающая и трепещущая Жеоржетта, приняшая имъ дорога? — Увы! онъ самъ того не вѣдаетъ; онъ препоручилъ себя судьбѣ. — О безразсудная! сказала Жеоржетта служанкѣ, ты сему причиною! — Конечно не вы, сударыня, изволите его преслѣдовать? спросилъ сей огорченный отецъ. — Мнѣ его преслѣдовать! отвѣчала она ему рыдая: злоба, потерявшая предметъ своей ненависти, можетъ ли проливать слезы? — Посудите же, добрая моя госпожа, справедливо ли отчаяніе моего семейства, и долженствую-

ютъ ли нещастія сего молодаго человѣка терзать сердца наши? . . . . Угнѣтающій насъ рокъ принуждаетъ продать сіи рубища, насъ покрывающія! въ таковомъ злополучіи мы влачимъ жизнь, истощенные всѣми недостатками въ жизни, въ семъ бѣдственномъ убѣжищѣ, гдѣ смерть похитила вдругъ жизнь двухъ послѣднихъ дѣтей моихъ! наконецъ Небо, сжалившись, даровало намъ сосѣда, юнаго Кораля; и съ того времени благословляли мы судьбу свою! — Примите! говаривалъ намъ сей доброй молодой человѣкъ, проливая слезы вмѣстѣ съ нами: вотъ деньги, которыя препоручено мнѣ вамъ отдать. Особа не желаетъ быть извѣстна! она также не богата,

не чувствуетъ отрады, помогая вамъ! при каждомъ вечерѣ она вручитъ вамъ чрезъ меня половину суммы, которую можетъ съ вами раздѣлять .... И дѣйствительно, сударыня, юный Кораль не допускалъ насъ никогда скитаться за двумя дѣтьми нашими; но не болѣе минуты, нещастный! проливая слезы — съ отчаяннымъ сердцемъ, сказалъ намъ, прижимая насъ въ своихъ объятіяхъ: добрые друзья мои! я принужденъ скрыться; теперь не о себѣ проливаю слезы! я вездѣ буду работать, и вездѣ могу достать хлѣбъ; но объ васъ, объ ужасномъ положеніи, въ коемъ я васъ оставляю! . . . кто вамъ поможетъ? — Послѣ сихъ словъ мы познали своего благодѣтеля!

мы повергліись къ ногамъ его; онъ подымаетъ насъ, прижимая еще разъ въ своихъ объятіяхъ, и оставляетъ.

Жеоржетта вручаетъ нѣсколько золотыхъ монетъ сему злощастному семейству и удаляется къ себѣ, дабы предаться всей своей печали.

ГЛАВА VIII.

Молодой Дикой оставляетъ Парижъ. — Онъ дѣлается земледѣльцомъ и презираетъ просвѣщеніе.

Между тѣмъ молодой Дикой предается судьбѣ, пустившись по дорогѣ, ведущей къ Арденамъ, и продолжаетъ путь безъ цѣли нѣсколько дней. Наконецъ онъ

почувствовалъ голодъ, не зная, какимъ образомъ укротишь оной. Онъ проходитъ мимо одного трактира, находившагося на дорогѣ, въ намѣреніи выпросить кусокъ хлѣба. Онъ обращается къ трактирщику, съ униженностію поклонившись; но видъ сего человѣка, имѣвшаго суровое лицо, привелъ въ отчаяніе Кораля, которой воображалъ, что онъ тронется его нещастіемъ, какъ вдругъ, перемѣнивши видъ и принявъ вольность и смѣлость, производимыя въ насъ деньгами, требуетъ обѣда. Трактирщикъ перемѣняетъ также голосъ и рѣчь, и держа въ рукахъ шляпу, отводитъ его въ ближнюю комнату, гдѣ обѣдалъ откупщикъ тамошняго околодка. Ему при-

носятъ кушанье, коего запахъ услаждаетъ его, но притомъ и напоминаетъ, что надлежитъ платить. Онъ колеблется, и снѣдаемъ голодомъ, хотѣлъ встать и продолжать свою дорогу; но природа его превозмогаетъ, и онъ повинуется ея законамъ.

Отобѣдавши, онъ призываетъ трактирщика и увѣдомляетъ его, что онъ не имѣетъ денегъ; но въ замѣнъ сего онъ будетъ работать цѣлой день на его полѣ, естьли онъ позволитъ ему такимъ образомъ расплатиться. Пришедшій въ сердце трактирщикъ отвергаетъ сію прозьбу, оскорбляя его словами. — Но вотъ! сказалъ молодой Дикой, у меня осталось единое токмо платье,

я вамъ его отдаю. — Тогда, по согласію, добродушной молодой человѣкъ подвергалъ себя суровостямъ погоды, какъ вдругъ откупщикъ, бывшій свидѣтелемъ жестокости одного и чрезмѣрной честности другова, сказалъ: молодой человѣкъ! оставь при себѣ свое одѣяніе, я плачу за обѣдъ твой. Естьлижъ желаешь работать, ступай ко мнѣ.

Вотъ, молодой Дикой, обрабатывая землю, доволенъ былъ своею судьбою. Да благословитъ Небо продлить оную! сказалъ онъ самъ себѣ, и жизнь моя протечетъ для пользы моихъ согражданъ, никогда не спрашась угрызенія совѣсти! —

У откупщика была, къ нещастію его, служанка, занимав-

шая мѣсто покойной откупщицы. Она была молода, рѣзва и крѣпкаго сложенія. Лицо ея, нѣсколько смугловатое, имѣло однакожъ всѣ прелести своего пола; словомъ сказать — ее называли пригожею деревенскою дѣвушкою. Она не безъ удовольствія увидѣла нашего молодаго Дикаго и его стройный станъ. Не зная ничего о городскихъ уловкахъ и презря хитрыя средства, она однажды ему сказала безъ всякой церемоніи, что будетъ съ охотою его покорнѣйшая исполнительница всего того, чего онъ только пожелаетъ. Молодой Дикой не хотѣлъ платить неблагодарностію своему благодѣтелю, коего любовь къ сей служанкѣ была ему извѣстна; и

для того отказывается честнымъ образомъ.

Дѣло состояло въ томъ, когда откупщикъ спросилъ его нѣкогда: юный Кораль — мужественъ ли ты? — Да, отвѣчалъ онъ, могу за себя постоять. — Ночуешь ли ты одинъ безъ страха въ той палаткѣ, которая находится близь моей земли, и которую занималъ прежде одинъ молодой господинъ? — А для чего же не ночевать? — Потому, какъ слухъ носится и тебѣ извѣстно, что сей господинъ, умершій нѣсколько тому времени, приходитъ туда каждую ночь. — Онъ умеръ — и приходитъ! Я тамъ ночую! и въ сію ночь, естьли вамъ угодно. — И такъ держи свое слово. Сія па-

латка отдана въ мою пользу наслѣдникомъ умершаго; когдажъ увижу, что ты будешь просыпаться здоровъ и невредимъ всякое тамъ утро, сія злополучная мысль будетъ изтреблена: тогда я могу оную укрѣпить за собою и въ ней поселиться. — Вечеръ настаетъ; молодой Дикой отправляется въ палатку. Откупщикъ, любившій его, уже раскаевается, подвергнувъ яростной злобѣ духа. Однакожъ онъ ободряется, увидѣвъ на другой день молодаго смѣльчака, появляющагося съ спокойнымъ видомъ.

Въ слѣдующую ночь, около двенадцати часовъ, Кораль проснулся отъ глухова шуму, происходившаго, какъ казалось, снаружи у стѣны; но сей шумъ

минуется, и онъ засыпаетъ. Въ третію ночь, въ тотъ же самый часъ, онъ проснулся отъ сего шуму. Онъ слышитъ идущаго и спрашиваетъ громкимъ голосомъ: кто тамъ? — Но ему не отвѣчаютъ. Мой Дикой, пришедшій въ робость, размышляетъ о скрытной и неизбѣжимой силѣ духа, которой легко можетъ забавляться тщетными усиліями своей жертвы. Разсуждая такимъ образомъ, онъ слышитъ еще внятнѣе идущаго; стѣна кажется колеблющеюся, растворяющеюся, и наконецъ входятъ въ сію комнату, обходятъ ее и скоро являются у постели его; раздвигаютъ занавѣсы съ стремленіемъ, и кажется сбрасываютъ съ себя одежду. Тогда страхъ моего Дика-

го усугубляется. Взлѣзаютъ на его постелю. Онъ чувствуетъ напослѣдокъ тѣло расположившееся близъ него. — При семъ случаѣ онъ вскрикиваетъ, бѣгаетъ въ замѣшательствѣ по комнатѣ, поспѣшая къ дверямъ, чтобъ призвать на помощь, какъ вдругъ женскій голосъ, довольно пріятной, сказалъ ему: какъ, юный Кораль, Маріанна приводитъ васъ въ ужасъ! — Ободренный молодой Дикой обращается къ своей постелѣ, стараясь обойтиться съ пригожею служанкою со всевозможною осторожностію.

Молодой Дикой долго употреблялъ способы, чтобъ узнать отъ Маріанны, какой случай подалъ мнѣніе, что будто бы нѣкоторой духъ приходилъ въ сію

палатку. Она ему наконецъ призналась, что, дабы имѣть спокойное и вѣрное мѣсто свиданія съ однимъ молодымъ человѣкомъ, они разнесли слухъ, будто бы душа умершаго приходила всякую ночь въ ту палатку, гдѣ они легко нашли тайныя дверцы и входъ, сдѣланныя молодымъ Господиномъ. . . . . – Чтобъ споспѣшествовать въ любви прекрасной Маріанны съ молодымъ господиномъ? . . . сказалъ Дикой. — И это правда, отвѣчала Маріанна.

Двѣ недѣли протекли безъ всякихъ дурныхъ произшествій; но ни чемъ не можно безпрепятственно наслаждаться въ семъ свѣтѣ; все сопряжено съ опасностію, и сія опасность не одно-

кратно уже постигала бѣднаго Дикаго.

Откупщикъ, почувствуя однажды въ прекрасную ночь скуку, пошелъ разогнать оную ощупью къ комнатѣ Маріанны. Но, о досада! постеля, тщательно оправленная, не заключаетъ въ себѣ прелестей его божества! — Гдѣ она? сказалъ онъ самъ себѣ, перемѣнясь въ лицѣ; что она теперь дѣлаетъ? — Мой откупщикъ намѣревается узнать безъ всякаго шуму.

Въ слѣдующую ночь проснувшись также, онъ началъ бродить, пользуясь темнотою, около комнаты Маріанны, которая, по обыкновенію, вставъ въ самую полночь, готовилась отправиться къ новому своему любовнику.

Откупщикъ слѣдуетъ за нею въ молчаніи, и вскорѣ переправляясь чрезъ потаенной входъ, выдавшійся на дворъ его, поворотила на право къ палаткѣ. Едва хотѣла ступить на потаенную лѣсницу, ведущую въ комнату Дикаго, какъ примѣтила, что за нею слѣдуютъ; она обращается назадъ, произнеся вопль. Сей вопль услышанъ былъ Дикимъ, которой, не медля вставъ, сказалъ: ты ли Маріанна? — Хитрый откупщикъ сказалъ притворнымъ голосомъ: я! — Тотчасъ онъ спѣшитъ къ лѣсницѣ, и подаетъ съ учтивостію, свойственною любовнику, руку откупщику, которой оную принимаетъ и позволяетъ себя вести какъ любовницу. — Подлинно, сказалъ

Дикой, что укрывающіеся здѣсь имѣютъ отмѣнное убѣжище! Я увѣренъ, что просподушной откупщикъ столь трусливъ, что не подумаетъ теперь, чтобъ мы здѣсь находились. Хорошо, хорошо, господинъ Коралъ! сказалъ откупщикъ грознымъ голосомъ, одѣвайся и проворнѣе со двора, вонъ! — Въ тожъ время сдѣлали съ нимъ разчетъ, и онъ принужденъ былъ скитаться по полю тогда, когда вся Природа покоилась.

При солнечномъ восхожденіи онъ узрѣлъ съ вершины одной горы обширныя долины и дикіе холмы, на которыхъ паслись уже волы, телицы и овцы. Сей веселый сельскій видъ представляя

ему нѣкоторое подобіе его прелестнаго отечества, произвелъ въ сердцѣ его волненіе. Щастливые жители сей деревни, изобилующей богатствами Природы, говорилъ онъ, какъ я вамъ завидую! Удалены будучи отъ пищетной пышности, дни ваши текутъ блаженнымъ и невинным образомъ! Содѣлай, покровитель нещастныхъ, чтобъ и я былъ принятъ въ одну изъ ихъ сельскихъ хижинъ, въ воздаяніе трудовъ и стараній, мною имъ предлагаемыхъ! Примите, не опасаясь, юнаго Дикаго въ семейства ваши! Теперь, научась управлять своими страстьми, онъ не причинитъ слезъ супругу отъ развращенія юной его подруги! Мать можетъ спокойно отлу-

читься, оставя дочь свою съ молодымъ Дикимъ.

Онъ пробѣгаетъ, но тщетно, хижины, разсѣянныя по холмамъ; его не принимаютъ. Между тѣмъ необходимость его понуждаетъ. Онъ не медля удаляется отъ сихъ мѣстъ и направляетъ шаги свои къ Арденскимъ лѣсамъ, снискивая себѣ пропитаніе.

О любезный мой островъ! гдѣ ты? сказалъ онъ самъ себѣ: не ужели лишился я навсегда сего щастливаго пристанища, бывши столь долгое время игралищемъ фортуны и сего невиннаго, спокойнаго существованія, коимъ наслаждаются на твоей пріятной поверхности? Но . . . священное убѣжи-

ще невинности! достоинъ ли я еще, будучи зараженъ ядовитымъ воздухомъ общес тва, быть принятъ въ нѣдра твои? Когда чада твои изгоняютъ преступниковъ, какъ же примешь Корала, общественнаго человѣка, удаленнаго отъ священныхъ твоихъ законовъ и столь опаснаго для твоего спокойствія? .. Нѣтъ! Небо праведно, и я умру въ чужой странѣ.

Безчувственный! . . . я могъ оставить свой островъ, восхищаясь ложнымъ очарованіемъ воображенія! Естьли человѣкъ мнитъ сдѣлаться щастливымъ чрезъ многотрудныя жертвованія въ своей жизни, не полагаетъ ли онъ своего блаженства въ семъ безполезномъ множе-

ствѣ мнимыхъ познаній, которыя, усилясь въ немъ, содѣлываютъ его гордымъ? Что я узналъ въ продолженіи своего ученія, кромѣ ужасной исторіи бѣдствій? Я думалъ учинишься лучшимъ; но конечно со всѣмъ глупымъ моимъ познаніемъ я не могу сравнишься съ моими соотечественниками, простодушными, человѣколюбивыми, всегда довольными собою, имѣющими чистѣйшую душу, которая никогда не можетъ помрачиться!

Суетные люди! которые измѣряете пропасти, сокрывающія въ себѣ таинства Природы, — которые изъясняете чрезъ дѣйствіе разума предметы, кои должны быть извѣстны единому только Божеству, — которые осно-

вываете весь міръ! Я съ презрѣніемъ отвергаю ваше просвѣщеніе! Возвратите мнѣ первое мое невѣденіе и островъ мой!

Но молодой Дикой тщетно приноситъ мольбы. Корабль не можетъ пристать иначе къ острову его, какъ будучи принесенъ бурею, и прахъ его не будетъ покоиться близъ своихъ предковъ.

ГЛАВА IX.

Какъ онъ освобождается отъ хлопотъ, находясь посреди величайшей опасности.

Между тѣмъ онъ углублялся въ лѣса Арденскіе, коихъ тихое уединеніе, успокоивая его сильное отвращеніе къ об-

ществу, постепенно примиряло съ Европою.

При дневномъ свѣтѣ онъ увидѣлъ возвышающееся надъ лѣсомъ густое облако: это происходилъ дымъ отъ находящихся тамъ горновъ. Онъ идетъ къ тому мѣсту и встрѣчается съ людьми, одѣтыми въ синія рубашки и покрытыми черною пылью. — Не работы ли ты ищешь? сказали ему: работники здѣсь очень рѣдки, и тебя съ охотою примутъ. — Молодой Дикой, подумавъ минуту, согласился на ихъ предложеніе. — Со всѣмъ тѣмъ думалъ онъ, есть-ли должность сія мнѣ не покажется, я не учиню обязательства остаться навсегда въ семъ мѣстѣ. — Его одѣваютъ въ си-

нюю рубашку, и препоручаютъ должность выпаскивать желѣзную руду изъ рудника, и спускать въ оной людей. Онъ почувствовалъ великую успалость въ продолженіе одного часа. Но, Великій Боже! съ какими людьми онъ находится!

Съ нѣкотораго времени разбойники опустошали лѣсъ сей: тщетно старались открыть ихъ убѣжище, узнавши, что ихъ сыскиваютъ; они отдалились миль на двадцать, прибыли въ сіе мѣсто и представляютъ себя рудокопами, скрываясь днемъ подъ симъ предлогомъ въ нѣдрахъ земли; но около девяти часовъ вечера они выходили для грабежа путешественниковъ и разоренія ближнихъ домовъ. Имъ дѣйстви-

тельно отданъ былъ тотъ ровъ, въ которой пустился молодой Дикой.

Уже онъ слышитъ звукъ молотовъ, отбивающихъ руду, и смѣшанные голоса новыхъ своихъ товарищей. — Ты ли Сан-Суси? кричали къ нему. — Я! отвѣчалъ онъ (худо услышавъ). — Спупай же, предолжалъ тотъ же голосъ; ты слишкомъ медлишь! Развѣ ты забылъ, Сан-Суси, что мы намѣрены нынѣшнимъ вечеромъ грабить замокъ Барона Эскопа? Какъ ты могъ отлучиться на цѣлыя сутки? — Боже! сказалъ про себя Дикой, — гдѣ я? это воры! Какъ долженъ я буду поступать, находясь съ ними? Моя душа, естьли они оную разсмотрятъ, погубитъ

меня! . . . Но . . . . Небо меня подкрѣпляетъ! . . . не надлежитъ терять бодрости въ опасномъ случаѣ! . . . Сан-Суси, говорятъ они, оставилъ ихъ уже сутки . . . . хорошо! . . . можетъ быть нѣкоторая ложь послужитъ мнѣ къ избѣжанію опасности.

Вдругъ окруженъ онъ былъ людьми, изъявляющими звѣрообразные взоры, коихъ свирѣпый видъ придаетъ ужасъ къ ихъ рѣчамъ. Какоежъ было ихъ смятеніе, когда вмѣсто своего Сан-Суси увидѣли они молодаго незнакомца, коему столь неосторожно открыли свой заговоръ!

Успокойтесь! сказалъ имъ Коралъ возвышеннымъ и сиповатымъ голосомъ! діяволъ посы-

лаетъ вамъ товарища для подкрѣпленія своимъ мужествомъ смѣлаго вашего предпріятія! словомъ сказать: Санъ-Суси, коего я лишь только оставилъ, и которой не ранѣе можетъ къ вамъ быть, какъ завтра, препоручилъ мнѣ вамъ объявить, что мы можемъ осадить замокъ Барона Эскопа слѣдующею ночью! Я вмѣстѣ съ нимъ пріобрѣлъ превосходную добычу. При семъ-то храбромъ опытѣ онъ мнѣ сказалъ: юный Коралъ! ты уподобляешься въ мужествѣ Картушу! Товарищи мои соединились у перваго рудника, находящагося при входѣ лѣса: ступай къ нимъ просить работы; они удивятся, увидѣвъ у себя незнакомаго; но скажи имъ, что ты пришелъ

отъ Сан-Суси, и тебя примутъ съ сердечною пріязнію, которою обладаютъ люди нашего промысла!

Всѣ разбойники бросаются обнимать Дикаго, и бутылка водки переходила изъ рукъ въ руки, въ знакъ торжествованія его пришествія.

И такъ, сказалъ одинъ изъ нихъ, разскажи намъ произшествіе сей превосходной добычи!

Молодой Дикой приготовляется, минуту размышляетъ и говоритъ:

Товарищи! должно вамъ знать, что учинясь воромъ съ младенчества, я никогда не былъ покоенъ ночью, естьли не прославилъ себя вечернею опасностію! Совѣсть моя мучится, когда я проведу

цѣлыя сутки не разоривъ, или не умертвивъ нѣсколько проходящихъ!

О храбрый товарищъ! вскричали со всѣхъ сторонъ. Но разскажи же намъ о сей превосходной добычѣ!

Молодой Дикой продолжаетъ такъ, не оставляя суроваго своего голоса: Вчера подъ вечеръ скитаясь около одной деревни, я вхожу нечаяннымъ образомъ въ трактиръ, куда ожидали богатыхъ путешественниковъ; я опоражниваю для утоленія жажды три или четыре бутылки вина, и находясь одинъ въ большой комнатѣ, скучалъ своею праздностію. Вдругъ одинъ человѣкъ является: это былъ сей храбрый Сан-Суси, другъ моего

дѣтства. Признательность изъявляется самымъ живѣйшимъ образомъ, и мы съ сердечною радостію обнимаемся. Мы другъ друга испытывали, не оказывая никакого признанія въ разсужденіи нашего промысла; но переходя отъ одной рѣчи къ другой, нашлось, что одинаковое намѣреніе насъ соединяетъ. Трудъ сопряженъ долженъ быть съ мужествомъ! сказалъ онъ мнѣ; богатые путешественники прибудутъ въ сей трактиръ и обѣщаютъ намъ знатную поживку!

Карета дѣйствительно пріѣзжаетъ, сопровождаемая четырьмя плутами лакеями. Мы увидѣли выходящаго изъ нее прекраснаго Господина и миловидную Госпожу, и вскорѣ вынутъ былъ

тяжелый чемоданъ и деревенской туалетъ, которой, конечно, не долженствовалъ болѣе служить имъ къ употребленію

Ночь настаетъ. Бьетъ двѣнадцать часовъ. Все въ трактирѣ спокойно. Сан-Суси и я воспользовались тою удобною минутою; мы безъ всякихъ препятствій входимъ въ комнату путешественниковъ; сожалѣя токмо о томъ, что весьма мало опасности находилось въ семъ случаѣ. Но, о адское блаженство! четыре великорослые лакея приставлены были сторожами въ передней! Наши кинжалы скоро положили ихъ на мѣстѣ. Мы вошли тогда въ ближнюю комнату, гдѣ погружены были въ глубокомъ снѣ супруги, ко-

торыхъ усыпили вѣчнымъ сномъ! Мы нашли въ чемоданѣ шесть слитковъ золота; потомъ перелѣзаемъ чрезъ стѣны трактира, и Сан-Суси, означивъ мнѣ сіе мрачное и блаженное жилище, оставилъ меня, отправившись въ ближайшій городъ обмѣнять добычу нашу на ходячую монету въ пользу храбраго общества!

Разбойники, восхищенные повѣствованіемъ сей выдумки, обнимаютъ еще молодаго Дикаго, и снова опоражниваютъ бутылку.

Отвращая свои опасности, сказалъ тогда самъ себѣ Дикой, я умножалъ оныя, естьлибъ тотъ отсутствующій воръ возвратился прежде моего выхода. Однакожъ могъ ли я допустить умер-

твить Барона Эскота? и могъ ли не подать ему помощи, узнавъ о заговорѣ, противъ его учиненномъ? Поступимъ же такъ, чтобъ Небо дозволило мнѣ имѣть къ тому средство. Теперь я буду стараться о своемъ спасеніи.

Между тѣмъ день протекаетъ; одинъ изъ нихъ вынувъ свои часы сказалъ: Сан-Суси не приходитъ; время уже намъ отправиться къ замку Барона Эскота: тутъ-то юной Коралъ долженъ ты оказать свое мужество! — О! отвѣчалъ онъ, я весьма надѣюсь превзойти ваше ожиданіе! вы еще меня не знаете! — Но надлежитъ, продолжалъ первой, увѣдомить юнаго Корала, что одинъ слуга изъ замка, по имени Яковъ, коему

обѣщали мы доставить пользу въ семъ предпріятіи, но коей не получитъ, долженъ оставить ворота незапертыми, давъ намъ знать разбитіемъ нѣсколькихъ стеколъ о благопріятной минутѣ, въ которую должно осадить замокъ, и помогать намъ въ нападеніи, показавъ мѣсто, гдѣ Баронъ хранитъ свои деньги.

Разбойники вмѣсто того, чтобъ наполнять матеріаломъ судно, входятъ всѣ въ рудникъ, такъ какъ и Дикій, — но когда вышли они назадъ, лучи солнца освѣщали уже другую половину міра.

Они шли вмѣстѣ, взявъ орудія, скрытыя въ лѣсу, переодѣваются и отправляются къ замку.

Молодой Дикой восхищается своею свободою, но болѣе еще тѣмъ, что можетъ подать помощь семейству, покоющемуся въ тишинѣ, основанной на вѣрности своихъ служителей, но изъ которыхъ одинъ готовился погубить его.

Разбойники приближаются къ окружностямъ замка. Хотя скрыты были темнотою ночи, но почли за нужное разсѣяться въ недальномъ разстояніи отъ сходбища, дабы услышать сигналъ. Шайка разбойниковъ тогда разсѣвается, и Дикой можетъ безъ опасности исполнить великодушныя свои намѣренія. Онъ стремится къ воротамъ, кои дѣйствительно нашелъ отперты, и приходитъ, будучи ни

кѣмъ невидимъ, къ комнатѣ Барона, сидящаго съ плачущею молодою особою.

Государь мой! сказалъ молодой Дикой, не безпокойтесь видѣть въ теперешнее время предъ собою незнакомаго. Я хочу сообщить вамъ нѣчто важное. Имѣете ли вы оружія? и ваши люди, соединившись подъ предводительствомъ храбраго человѣка, могутъ ли защищать съ мужествомъ своего Господина въ опасности? — Что вы мнѣ говорите, молодой человѣкъ! сказалъ встревоженный Баронъ, — изъяснитесь! — Въ сію минуту, продолжаетъ Дикой: замокъ вашъ окруженъ разбойниками, готовящимися войти въ него по случаю измѣны Якова, одного

изъ слугъ вашихъ. Мнѣ извѣстенъ сигналъ, который онъ имъ назначилъ. Когда вы будете въ постелѣ и заснете, онъ разобьетъ нѣсколько окончинъ: тогда они взойдутъ на дворъ помощію сего бездѣльника, отнимутъ у васъ жизнь, и похитятъ всѣ драгоцѣнныя вещи, находящіяся у васъ. Вотъ ужасное злоумышленіе, которое я знаю! — будучи онымъ сильно тронутъ, я хотѣлъ васъ спасти. — Но, молодой человѣкъ, какую выгоду находишь ты, оберегая меня, подвергать самаго себя опасности? — Я то знаю, Государь мой, — я ничто иное, какъ бѣдный работникъ; но честность не должна быть покрыта посрамленіемъ.

Однакожъ теперь не время имѣть вамъ сомнительныя подозрѣнія; къ томужъ, какимъ образомъ могу я оныя вперить въ васъ? Я пришелъ объявить, чтобъ вы вооружились; ибо конечно не отъ разбойниковъ присланъ подавать вамъ сіи совѣты. — Но какимъ способомъ пришелъ ты ко мнѣ? — Первое доказательство измѣны Якова есть то, что онъ обѣщалъ имъ оставить ворота незапертыми, что и дѣйствительно исполнено. — Прежде всего, сказалъ Баронъ, я самъ пойду запру ворота замка. — Онъ хотѣлъ выдти, какъ одинъ слуга съ устремленнымъ видомъ сказалъ, что около десяти вооруженныхъ людей подозрительнаго виду скрылись на дворѣ. —

Послѣ чего Баронъ велѣлъ вооружить всѣхъ своихъ людей и Дикаго, и остановить Якова, коего приводятъ поблѣднѣвшаго предъ Господина, и который еще принимаетъ голосъ невиннаго, когда уже злодѣяніе осквернило его душу. — Покажите мнѣ, сказалъ Дикой Барону, мѣсто, откуда моглибъ мы побѣдить злодѣевъ, не подвергая опасности жизнь вашихъ служителей? Тамъ, исполнивъ сказанный сигналъ, естьли дѣйствительно они вмѣстѣ пойдутъ въ ваши покои, я первый вонжу сей кинжалъ въ сердце бездѣльника! вотъ какъ полагаю я поступить! Баронъ назначилъ имъ отдѣленное мѣсто, откуда огнестрѣльныя оружія легко могутъ

поразить при входѣ разбойническую шайку. Дикой поражая кинжаломъ Якова, подаетъ сигналъ; разбойники, услышавъ оный, почитаютъ всѣхъ спящими: они попадаются въ сѣти, между тѣмъ какъ Яковъ издыхаетъ, и упадаютъ всѣ, пораженные огнестрѣльными оружіями.

Молодой Дикой, почитаемый тогда служителями замка ихъ Ангеломъ-хранителемъ, отведенъ былъ въ комнату ихъ Господина для полученія справедливой благодарности. Онъ находитъ молодую особу, которую ни ея опасность, ни звукъ оружія не возмутили въ мрачной ея печали. — Должно думать, сударыня! сказалъ ей Дикой въ присутствіи Барона, что вы имѣете великой духъ,

или чрезмѣрную печаль, что вижу васъ теперь въ такомъ же спокойномъ унынiи, въ какомъ васъ оставилъ? — Ахъ, молодой человѣкъ! отвѣчала она, почто возпрепятствовали вы симъ разбойникамъ пресѣчь медленное теченiе моего существованiя! Теперь я подверглась величайшему гоненiю. Естьли бъ я умерла въ сей день, то избѣгнула бъ свирѣпаго тиранства, и душа моя воспарила бъ достойною еще обиталища, гдѣ блаженствуетъ невинность! — Полно, сударыня! сказалъ Баронъ съ яростiю, оставьте сiю рѣчь, которая сугубо меня оскорбляетъ, потому что вы оную обращаете къ незнакомцу такого состоянiя, который ни въ какомъ случаѣ не можетъ

имѣть отношенія къ особамъ моего званія. — Неблагодарный старикъ! отвѣчала ему молодая особа, такъ ли должны вы говорить о человѣкѣ, который добровольно подвергалъ опасности жизнь свою къ спасенію вашей? Первый родъ людей не составляется ли изъ тѣхъ, коихъ превосходное стремленіе увлекаетъ къ помощи своихъ ближнихъ? Но вы не изъ самаго ли презрительнѣйшаго, когда не отверзаете объятій своему избавителю? . . И сей высокомѣрный характеръ приличенъ токмо гнусному чудовищу, которое, попирая ногами священный законъ Природы, хочетъ соблазнить нещастную юность подлымъ изступленіемъ его волнующейся страсти!

Эй, люди! вскричалъ Баронъ, отведите комнату сему незнакомцу; но завтра, при солнечномъ восхожденіи, чтобъ онъ вышелъ изъ моего замка!

Дикой успокоившись, продолжаетъ свой путь къ лѣсу и помышляетъ о томъ, какую сторону должно ему будетъ принять.

Я не долженъ соединяться съ обществомъ, говорилъ онъ самъ себѣ; я нахожу тамъ только злыхъ, гонителей, нещастныхъ! Возбужу въ сердцѣ своемъ сіи первоначальныя чувствованія независимости, которыя призываютъ насъ безпрерывно къ должности, которую мы занимать должны!

разорву съ сего дня навсегда недостойные узы! . . . — Отказываюсь повелѣвать тѣми, которые лучше меня, и не буду болѣе невольниками тѣхъ, коихъ презираю! Коренья, нѣсколько дикихъ плодовъ, нѣсколько животныхъ, мною убитыхъ, ихъ кожа, которая будетъ меня прикрывать, хижина изъ листьевъ: вотъ что будетъ служить къ продолженію моей жизни!

Молодой Дикой совершенно разсмотрѣвъ цѣль своего намѣренія, рѣшился соорудить себѣ хижину въ Арденскомъ лѣсу. При наступленіи ночи, утомясь отъ долгой ходьбы, во время которой онъ не думалъ еще принять никакой пищи, пригото-

вилъ себѣ трапезу изъ каштановъ и нѣкоторыхъ вкусныхъ кореньевъ и, ложится при корнѣ дуба, гдѣ спокойствіе упоеваетъ чувства его до солнечнаго возхожденія. —

ГЛАВА X.

Онъ живетъ по первоначальному положенію въ Арденскомъ лѣсу. — Произшествіе въ монастырѣ.

Первые взоры его устремляются съ восхищеніемъ на листья, покрывающіе его на подобіе свода, а особливо на сей безпорядокъ деревьевъ возвышенныхъ и низпровергнутыхъ, которыя содѣлываютъ изъ сего уединеннаго мѣста убѣжище, весьма свойственное разположе-

нію души его. Удаленъ будучи отъ проѣзжихъ дорогъ и людей, и находясь въ товариществѣ съ животными, питающимися подобно ему различными произведеніями Природы, онъ благословлялъ судьбу свою.

Первое стараніе его было построить хижину, сдѣлать лукъ и стрѣлы для дичи, изобилующей въ той странѣ, въ коей онъ обитаетъ; а помощію своего искуства доставлять себѣ изрядную пищу.

Но солнце вседневно теряло уже пріятную свою теплоту, холодъ былъ чувствуемъ. Дикой родившись въ климатѣ довольно жаркомъ, скоро вознамѣрился одѣть себя звѣриною кожею. Вспомня тогда о употребленіяхъ

своего острова, и привыкнувъ уже къ природной суровости онаго, сшиваетъ острыми спицами многія кожи вмѣстѣ, изъ коихъ дѣлаетъ себѣ одежду.

Охота удаляла его часто на пять и на шесть миль отъ своего жилища. Иногда встрѣчался онъ съ крестьянами въ лѣсу, которые испускали вопли при его приближеніи. Онъ же будучи чувствителенъ и добръ, удалялся скорѣе въ густоту лѣсовъ для успокоенія ихъ страха.

Правда, что встрѣтясь съ нимъ, можно ужаснуться; весь сей человѣческій образъ, подъ прикрытіемъ козиной кожи, перемѣняетъ видъ; голова и лице совсѣмъ закрыты были для сбереженія отъ сучьевъ, которые

изранилибъ его при ловлѣ звѣрей, бѣгая чрезъ хворостъ; — онъ весьма уподоблялся уранг-утангамъ, находящимся на южныхъ берегахъ Африки.

Молодой Дикой не претерпѣвающій голоду, будучи одѣтъ, и находясь въ независимости, наслаждался жизнію въ нѣдрахъ Природы. Однакожъ чего-то недоставало къ его блаженству, то есть — женщины. Есть ли подлинно что нибудь пріятнѣе любви? Однажды, слишкомъ отдалясь отъ своего жилища, стрѣляя дичину, почувствовалъ онъ сильнѣе обыкновеннаго страсть къ сему опасному, но столь прелестному полу. . . . Будь женщина! повторялъ онъ безпрестанно, и я учинюсь щастли-

вѣйшимъ смертнымъ! . . . Но гдѣ ее найти? Какъ пріучить ее къ сему скитающемуся состоянію? — Чувствованія его были въ такомъ положеніи, когда звонъ колокола поразилъ слухъ его. Скоро увидѣлъ онъ монастырь.

Онъ взлѣзаетъ на вершину одного дерева, откуда видитъ монахинь, прогуливающихся въ обширныхъ садахъ и, спустившись, восхищается симъ открытіемъ, намѣреваясь пробраться къ нимъ, для утѣшенія нѣкоторыхъ изъ нихъ въ мрачномъ ихъ уединеніи.

Но, какъ я безразсуденъ! говорилъ онъ самъ себѣ, ворота заперты, стѣны высоки, и никакого способа нѣтъ войти въ монастырь.

Около часа уже было, какъ онъ размышлялъ въ лѣсу, теряя надежду исполнить свое намѣреніе, какъ усмотрѣлъ карету, медленно ѣхавшую къ монастырю. Онъ къ ней приближается, удивляясь и возхищаясь, видя ее безъ провожатаго. — Я могу, сказалъ онъ самъ себѣ, сѣсть въ карету, и мнѣ отопрутъ ворота монастыря. День уже проходитъ, я ни кѣмъ не буду видимъ, и скроюсь въ какой нибудь темной уголъ, ожидая благопріятной минуты, чтобъ найти лучшее мѣстопребываніе.

Но произведеніе намѣренія не такъ течетъ, какъ мысль, которая летитъ безъ всякаго препятствія между тѣмъ какъ въ дѣйствіи всегда находится оныхъ

множество. Дикой хочетъ сѣсть въ карету; но усматриваетъ тутъ провожатаго, погруженнаго въ глубокой сонъ, который проснувшись, конечно не согласится на его плутовство. Близь провожатаго лежалъ футляръ для арфы, которой внезапно вселилъ въ него мысль, споспѣшествующую предпріятіямъ его. Онъ открываетъ футляръ, тамъ запирается и предается жребію, который долженъ, естьли ему будетъ щастіе благопріятствовать, перенесть его въ келью какой нибудь юной и прелестной монахини, потому что арфа есть пріятное изъясненіе любви. Но можетъ ли оная тронуть сердце престарѣлой женщины?

Лошади скоро останавливаются у воротъ монастыря. Провожатый просыпается, даетъ знать въ колокольчикъ, въѣзжаетъ на дворъ, призываетъ садовника который, прежде всего уводитъ его къ себѣ выпить съ нимъ нѣсколько бутылокъ стараго вина. Они напиваются и приходятъ за арфою отнести оную къ Игуменьѣ. Въ такомъ состояніи они не примѣтили, что сей легкой футляръ тяжелъ необычайно. Они ставятъ его въ спальнѣ, и уходятъ заперши двери.

Дикой не знаетъ, предаться ли ему радости. — И такъ я въ комнатѣ Игуменьи, сказалъ онъ самъ себѣ; но кто обнаде-

житъ меня, что тутъ обитаетъ оный нѣжный предметъ, коего я искать стараюсь? Сей вышній санъ, содѣлывающій ее начальницею надъ своими подругами, должны получать тѣ, кои находятся уже въ лѣтахъ опытности; но таковыми я право мало занимаюсь. Однакожъ естьли это такъ случится, то мы представимъ весьма непріятную ролю. Старая женщина, не имѣя ни малаго сходства въ склонности съ молодымъ человѣкомъ, — Игуменья, пришедшая въ ярость, отмститъ мнѣ, предавъ меня наглостямъ своихъ прислужницъ, и я довольно буду наказанъ за глупое свое предпріятіе! Но теперь уже поздно разкаяваться: проклятой садовникъ накрѣпко заперъ двери;

и я долженъ предаться участи, которая меня ожидаетъ.

Игуменья, которую церковное служеніе удерживало около часа, наконецъ приходитъ. — Ахъ! сказала она вошедши, вотъ футляръ моей арфы . . . конечно и она тамъ заперта, такъ какъ я приказывала садовнику .... Любезная арфа! ты услаждаешь мою несносную скуку своимъ томнымъ звукомъ! . . . Какъ нещастны тѣ женщины, въ числѣ коихъ нахожусь я! Часто желанія наши стремятся къ міру; но дни наши протекаютъ безъ всякаго удовольствія и радости, потому что безъ любви — гдѣ оно? . . . Мнѣ минуло двадцать четыре года, я довольно пригожа! Прекрасный мужщина былъ

бы моимъ любовникомъ — супругомъ!... Жестокой монастырь!... Но божественный инструментъ! сказала она, приближась къ футляру, ты меня утѣшишь! руки мои рѣдко будутъ тебя покидать! днемъ буду повторять съ тобою, что должно любить!... а ночью: что мнѣ дѣлать!... И такъ ночью!... однакожъ посмотримъ, могу ли я оной настроить? — Она отворяетъ футляръ, и Дикой вдругъ выходитъ. При видѣ его она отъ ужаса производитъ крикъ, и упадаетъ безъ чувствъ въ креслы. — Тогда Дикой открываетъ свою голову и бросается къ ногамъ Игуменьи, говоря: Вы приносили Небу мольбы, коими я всегда оное утруждаю! Родившись Дикимъ, жителемъ

лѣсовѣ, будучи одинѣ, имѣя чувствительное сердце — я умираю отѣ любви! Воззри на меня не ужасаясь! Я весьма молодѣ — вы пригожи — могу ли я быть зловреденѣ? — Игуменья, пришедшая скоро вѣ себя, усышала слова Дикаго. Звукѣ его голоса — сіе чувствованіе, выражаемое столь трогательными словами, нѣсколько ее ободрилѣ. Она открываетѣ глаза и бросаетѣ взорѣ на Дикаго, лежащаго у ногѣ ея. — Но что я вижу? сказала она, теперь уже не то чудовище, коего безобразіе повергнуло меня умирающею вѣ креслы! Какѣ черты ваши пріятны! какую нѣжность имѣютѣ глаза ваши! какѣ вы прелестны! . , . вы Дикіе? ... Не Ангелѣ ли вы, который при-

шелъ посѣтить посвятившую себя Вышнему? Вы конечно не простите мнѣ, что я открыла предъ вами виновныя чувствованія? — Нѣтъ, сударыня! ободритесь, я не Ангелъ! я уже вамъ сказалъ — я Дикой, исполненный почтенія и любви! — Какъ! вы — Дикіе! . . . Но — Боже мой! — какъ вы прекрасны! . . . вы не сдѣлаете мнѣ зла — не правда ли?

Между тѣмъ вопль Игуменьи былъ услышанъ нѣкоторыми монахинями, которые уже легли, и кои не медля спѣшатъ къ дверямъ и сильно стучатся. — Боже! сказала она ему, мои подруги! . . . скройтесь! я имъ отворю, чтобъ они ни въ чемъ не имѣли подозрѣнія! — Хорошо! сказалъ самъ себѣ Дикой, скрыв-

шись въ футляръ, мнѣ кажется, что Небо наконецъ нѣсколько умилосердилось ко мнѣ! — Игуменья отворяетъ двери и монахини спрашиваютъ, что ей приключилось. — Ничего — любезныя мои, отвѣчаетъ она, — я испугалась того, что каждая изъ васъ видѣть можетъ безъ ужаса — увѣряю васъ. Спупайте успокойтесь. — Ахъ! сказала одна монахиня, увидя футляръ — вотъ вашъ инструментъ, сударыня! позвольте мнѣ теперь его поправить? я такъ оной настрою, что вы будете тѣмъ довольны. — Нѣтъ, я сама его настрою. — О! продолжала монахиня, я не въ состояніи допустить васъ первую къ оному прежде себя, и я намѣрена .... —

Оставьте меня — говорю вамъ. — Монахини уходятъ, и Игуменья выпускаетъ плѣнника своего на волю.

Обратимся къ вамъ, сказала она ему. Вы хотя рождены Дикимъ, но имѣете голосъ и пріятности общества! — Дикой почитаетъ тогда за нужное къ своему благополучію разсказать повѣствованіе своей жизни, которое прелестная Игуменья слушаетъ съ великимъ вниманіемъ.

Когда онъ находился при концѣ своей повѣсти, она сказала: какъ, бѣдной юноша! вы рѣшились принять первобытное свое состояніе! на островѣ могли вы такъ жить: Природа доставляла вамъ тамъ всегда пріятную и здоровую пищу; но

здѣсь зима принудитъ васъ умереть отъ холоду! а я! . . . о! какъ я буду страдать, знавши, что вы подвергаетесь ея суровостямъ! . . . Но кушали ли вы сего дня что нибудь? — не имѣете ли вы нужды? . . — Я употреблялъ коренья. — Коренья? . . . между тѣмъ какъ негодные люди питаются наилучшими произведеніями земли . . . . Вы питаетесь кореньями! — Тогдажъ Игуменья подаетъ ему плодовъ, вареныхъ въ сахарѣ, сливочнаго торту, конфектовъ изъ оранжевыхъ цвѣтовъ, и подноситъ ему мускатнаго вина изъ наилучшей своей рюмки.

Дикой, почувствовавшій голодъ, опоражниваетъ все до-суха.

Въ чемъ вы упражняетесь днемъ? спросила его Игуменья. — Я упражняюсь въ звѣриной ловлѣ, ловлю рыбу въ рѣкѣ, находящейся у моей хижины — ѣмъ и засыпаю.

Но — сказала ему Игуменья, гдѣ вы ночуете въ сію ночь? — Естьли вы отдаете то на мое соизволеніе, то я выбираю наилучшимъ мѣстомъ вашу постелю, но совсѣмъ тѣмъ и васъ ее не лишаю! — Предложеніе болѣе свойственно любви, нежели почтенію. — И такъ угодно вамъ, чтобъ я разбудилъ садовника? — Нѣтъ, право . . . . знаете ли что? Сіи звѣриныя кожи, васъ покрывающія, приводятъ меня въ ужасный трепетъ. — Отданъ приказъ и все исполнено. — Тогда

онъ раздѣвшись до нага — какъ ни оказывала сопротивленія къ тому юная Игуменья, восхищенная прелестьми Дикаго, безъ всякихъ обрядовъ ложится на ея постелю.

Между тѣмъ она не хочетъ ложиться, не получивъ особенной ласки, доказывающей ясно причину его намѣренія. — Извольте, сударь, сказала она, приближась къ нему, извольте скорѣе сойти съ моей постели. Вы — весьма любезны — это неоспоримо — но. . . . — Тогда онъ беретъ ее въ свои объятія и осыпаетъ поцѣлуями. — Заблужденіе ли то было или что другое, она отъ нѣжности задыхается! Молодой Дикой пользуется тою минутою, и она вскорѣ обратила уже

къ нему сіи слова: милый другъ! ... теперь столь щастлива! а завтра не должна болѣе тебя видѣть! — Почему такъ? развѣ я объ этомъ говорилъ! — Можешь ли ты пробыть долгое у меня время? Я погибну! — завтрешній день еще не насталъ! .... будемъ плакать завтра! .... а теперь наслаждаться.

Игуменья нашла, что онъ судитъ справедливо. Она раздѣвается и ложится. Какая ночь для Дикаго! но какая ночь для нее! часы проходятъ — и день наступаетъ. Игуменья встаетъ и выходитъ, не являясь до полудня къ исправленію своихъ должностей, лаская себя надеждою, что проведетъ еще ночь столь же пріятную.

Между тѣмъ все минуется, и щастіе кажется не существуетъ для нее. Оно появляется и изчезаетъ. Новыя монахини вступаютъ въ монастырь. Игуменья должна приготовлять торжество для новоизбранныхъ, и Дикой не можетъ присутствовать при церемоніи! Должно оставить меня, любезной другъ! говорила она ему въ слезахъ; но какъ? Дикой успокоиваетъ ее, принявъ средства къ побѣгу. Онъ скрывается въ ужасный свой головной уборъ, беретъ свой лукъ и стрѣлы, сходитъ съ потаенной лѣсенки, и удаляясь отъ комнаты Игуменьи, бѣжитъ въ оранжерею.

Окно съ рѣшешкою сей оранжереи было въ садъ, гдѣ онъ

видитъ юную и рѣзвую монахиню, подающую знакъ условія садовнику, и скоро вмѣстѣ направляютъ шаги свои къ его благоуханному убѣжищу. Онъ становится позади большихъ ящиковъ, откуда можетъ все усмотрѣть, не будучи видимъ. Но какоежъ его удивленіе, когда садовникъ заперся съ нею, обходясь ласковымъ образомъ, свойственнымъ давнему знакомству. Такъ, сказала она ему, я непремѣнно хочу знать, хорошъ ли ты будешь монахинею; смотри: я надѣну на тебя свой платокъ и покрывало. — Садовникъ похваляетъ мысль, и вотъ уже походитъ на монахиню съ головы, съ тою только разницею, что лице его, учинившись весьма

страннымъ, изображало поистинѣ смѣшную каррикатуру. Но садовникъ, не смотря на то, что представлялъ монахиню, оказываетъ пріемъ мужчины. И такъ онъ начинаетъ шутить съ любезною своею сестрою, не оскорбляя ее однакожъ; потомъ они садятся и изъявляютъ свою любовь необычайными ласками.

Дикой не имѣетъ намѣренія возмутить любви своего ближняго, а особливо въ обстоятельствахъ самыхъ нѣжнѣйшихъ въ любви. Между тѣмъ какъ онъ увидѣлъ, что первый жаръ любви миновалъ, онъ производитъ легкой шорохъ, которой любовники наши услышали, — а наконецъ и появляется. Садовникъ, пришедшій въ ужасъ, увидя его,

производитъ сильной крикъ! и позабывъ при томъ, что голова его покрыта была платкомъ и покрываломъ, бѣгаетъ по саду съ разстегнутымъ исподнимъ платьемъ посреди монахинь, которыя смѣшиваютъ съ криками его свои вопли.

Искусный и легкій на бѣгу Дикій летитъ по слѣдамъ садовника, причиняетъ своимъ видомъ новые крики по всѣмъ сторонамъ, беретъ садовника за воротникъ и сильною рукою увлекаетъ его къ воротамъ, принуждаетъ оныя отпереть, устремляется въ лѣсъ, и не отдыхая прибѣгаетъ къ своей хижинѣ.

Дорогою онъ съ негодованіемъ удивлялся сему заблужденію общества, которое живыхъ по-

вергаетъ въ бездну ничтожества, — юныхъ, нѣжныхъ твореній, расположеніе коихъ тщетно требуетъ взаимной награды, допуская безъ всякой пользы безразсудно изнурять плоть свою. А еще хотятъ, говорилъ онъ, чтобъ порядокъ царствовалъ между просвѣщенными людьми, когда оный учреждаемъ злыми духами, дабы скорѣе населить ихъ мрачное и горящее жилище! Повсюду видимы разставленныя сѣти, разверзтыя пропасти для приведенія въ заблужденіе и погубленіе слабаго человѣчества. Священныя узы супружества, на примѣръ, часто заключаемыя изъ интересовъ, не соединяютъ ли кротость съ суровостію, любовь съ холодностію, юность

съ старостію, невинность съ порокомъ? ... Сколько жертвъ! ... такихъ безпорядковъ нѣтъ въ моемъ отечествѣ! жители онаго проливаютъ токмо слезы о смерти своихъ родителей! единыя токмо неизбѣжимыя горести, установленныя Природою, терзаютъ сердца ихъ.

Занимаясь сими сердечными размышленіями, молодой Дикой плѣнялся болѣе красотами лѣса. Такъ, повторялъ онъ, естьлибъ я имѣлъ подругу, жизнь моя былабъ благословенна!

ГЛАВА XI.

Разныя произшествія отдаляютъ его отъ лѣсу.

Онъ приходитъ къ своей хижинѣ, понуждаемъ будучи необходимостію возстановить силы свои, истощенныя имъ въ монастырѣ. Ночь прекратила пѣніе птицъ, вокругъ его царствовало глубокое молчаніе — все покоилось. Готовясь броситься на нѣкоторыя высушенныя кожи, составляющія его ложе, онъ съ удивленіемъ увидѣлъ двѣ звѣздочки, бросающія на него живѣйшее сіяніе: это были сверкающіе глаза волка, которой, увидя его, пустился въ бѣгъ. Молодой Дикой, ободрясь, ложится и засыпаетъ.

Жизнь протекаетъ въ удивительныхъ перемѣнахъ произшествій. Она уподобляется волнующейся морской поверхности. Каждый день встрѣчаются разныя приключенія. Въ семъ мірѣ уподобляемся мы странникамъ, повсюду скитающимся и не имѣющимъ нигдѣ пристанища! о Дикой! ты почелъ бы книгу судебъ за небывальщины, еслибъ оная предъ тобою разверзлась.

На другой день, по утру, усыпленный Дикій воображаетъ, что находится еще съ миловидною Игуменьею. Онъ думаетъ видѣть ея лице, уподобляющееся лилеѣ и розѣ; сей маленькой ротъ, сіи страстные взоры, сію столь нѣжную грудь, сіи полныя ручки — всё сіе въ монастырѣ! Но

мечтаніе Дикаго столь живо, столь натурально, что кажется все съ нимъ, — чувства его воспламеняются, онъ отъ любви трепещетъ; но наконецъ мечтаніе изчезаетъ постепенно, не причиняя печали.

Успокоившись и почитая себя щастливымъ, Дикой встаетъ, беретъ свой лукъ и стрѣлы, и полагается на искуство снискивать себѣ пропитаніе. Онъ отправляется и, принявши дорогу противуположенную вчерашней, уходитъ въ густыя рощи, гдѣ еще ни разу не былъ; онъ убиваетъ нѣсколько птицъ, разводитъ огонь и оныхъ приготовляетъ; вырываетъ нѣсколько горькихъ, но здоровыхъ кореньевъ, садится за трапезу, при-

правленную отмѣннымъ аппетитомъ, и продолжаетъ по прежнему свою охоту.

Но солнце совершило болѣе уже половины своего пути; хижинажъ его находилась на восемь или на десять миль отъ него. Онъ хотѣлъ к ней возвратиться, какъ два человѣка суроваго виду, вооруженные ружьями и украшенные медалями и серебряными голунами, приставляютъ къ груди его пистолетъ, говоря ему: слушай! намъ донесено о тебѣ, какъ можешь ты осмѣливаться здѣсь стрѣлять? клади оружіе, или ты будешь застрѣленъ какъ заецъ! — Первая мысль его была спасаться бѣгствомъ, вторажъ привергала его къ жизни; онъ оставляетъ имъ лукъ

и стрѣлы свои. — Они присовокупляютъ: естьли тебя увидятъ еще здѣсь стрѣляющаго, будь увѣренъ, что сгніешь въ темницахъ Его Свѣтлости.

Молодой Дикой, какъ бы пораженный громомъ, услышавъ сіе повелѣніе, садится при корнѣ одного дерева, проливая горькія слезы. Когда оныя облегчили нѣсколько его сердце, онъ самъ себѣ сказалъ: что со мною будетъ; я не могу избѣгнуть отъ злой судьбы, не преспающей меня преслѣдовать; я буду ожидать смерти въ своей хижинѣ; и голодъ изсушитъ меня подобно поблекшему юному растенію; солнце скоро озаритъ лучами своими прахъ мой. Но какъ больно умирать, когда надлежитъ еще про-

жить столь много лѣтъ! . . . . Ахъ! я теперь уже не въ своемъ отечествѣ! Любезной островъ! гдѣ ты? . . . .

Между тѣмъ звукъ рога прервалъ нить его размышленій. Скоро былъ онъ окруженъ собаками. Онъ встаетъ и убѣгаетъ; но оныя его преслѣдуютъ съ великимъ остервенѣніемъ. Дикой надѣялся освободиться отъ ихъ ярости въ то время, когда ружейный выстрѣлъ, учиненный рукою молодой особы, сидящей на легкомъ конѣ, поразилъ его въ ногу, и повергъ на землю. — Онъ вскричалъ. Собаки, которыя уже принимались терзать его одежду, пронувшись симъ человѣческимъ голосомъ, останавливаются съ ви-

домъ сожалѣнія, удерживая ослабѣвающую свою ярость!

Молодая особа заряжаетъ опять свое оружіе для умерщвленія своей добычи, чтобъ не слыхать жалостныхъ стоновъ; но она приближается и видитъ человѣка въ семъ ужасномъ образѣ. Тогда сходитъ съ лошади и слышитъ сіи слова. — Кто бы вы ни были, уважьте жизнь себѣ подобнаго, и предохраните его отъ бѣшенства собакъ!

Ахъ! какъ я нещастна, вскричала предстоящая особа, я васъ умертвила! — И такъ увидѣвъ текущую кровь сквозь одежду, покрывающую его ногу, раздираетъ оную и возбуждаема будучи нѣжнымъ состраданіемъ, перевязываетъ рану своимъ плат-

комъ, дожидаясь помощи отъ охотниковъ, ее сопровождающихъ.

Молодой Дикой бросаетъ взоръ на нее и узнаетъ ту юную и нещастную особу, которую онъ нашелъ у Барона Эскота.

Ободритесь! сказала она ему, вы ранены весьма легко. Но какъ я сожалѣю! сердце мое тѣмъ болѣе терзается! — Познайте, отвѣчалъ онъ ей, открывъ свою голову, сего юнаго незнакомца, которой почиталъ себя весьма щастливымъ, спасши жизнь вашу! — Боже! возопила тогда она .... и вотъ отплата за таковую услугу!

Охотники приближаются. Она приказываетъ сдѣлать носилки изъ вѣтвей, которыя устлавъ древесными листьями,

сдѣлала еще покойнѣе, и велѣла отнести его въ замокъ.

Но приметъ ли меня Баронъ? спросилъ онъ ее. — Онъ въ отсутствіи. Моя участь скоро перемѣнится: когда вы получите нѣкоторое облегченіе, я вамъ разскажу свои горести и утѣшенія, посылаемыя мнѣ Небомъ.

Они приходятъ къ замку. Служители прилагаютъ всевозможныя старанія къ своему юному избавителю. Рану его перевязываютъ, которая была безопасна и не препятствовала ему стоять на ногѣ.

Его неотступно просятъ скинуть свою одежду, и надѣваютъ халатъ, колпакъ и исподнее платье Барона.

Естьлибъ лице ваше не столь было пригоже, сказала ему юная особа, васъ почлибъ за сего морскаго человѣка. Въ дорогахъ, дома — вотъ его одѣяніе. Вы приведете въ трепетъ всѣхъ тѣхъ, кои не знаютъ его отсутствія.

Когда молодая особа находилась одна съ нимъ, то разсказала ему слѣдующее: Родившись отъ Благородныхъ, но нещастныхъ родителей изъ Бриттанской провинціи, Баронъ Эскотъ, ея родственникъ, просилъ ее у матери, тому назадъ два мѣсяца, для компаніи своей супруги, которой уже обольститель лишился. Получивши, онъ не скрывалъ уже своихъ намѣреній, и что съ того времени она при-

лагала всякія стараніе къ сохраненію чести. — Но, продолжала она, я писала о томъ къ своему брату, Офицеру драгунскаго полку, отъ коего получила извѣстіе, и котораго ожидаю на сихъ дняхъ въ тѣхъ мысляхъ, чтобъ онъ увезъ меня къ моей родительницѣ. Естьли Небо будетъ мнѣ благопріятствовать, — тиранъ мой, отправившійся сего дня въ Парижъ, не найдетъ меня по своемъ возвращеніи.

Молодой Дикой всѣми былъ привѣтствуемъ съ чрезмѣрною ласкою. Ночь настаетъ; онъ идетъ успокоиться, намѣреваясь остаться въ замкѣ до возвращенія Барона. Сонъ уже сомкнулъ глаза его, какъ одинъ слуга входитъ въ его комнату съ вели-

кимъ шумомъ и говоритъ ему: Баронъ возвращается назадъ за бумагами, забытыми имъ здѣсь. Онъ опять уѣдетъ. Курьеръ его уже впереди для приказанія заготовлять лошадей, и карета ожидаетъ его у воротъ. Но онъ узналъ, что вы здѣсь, что имѣли особенной разговоръ съ его родственницею; то хочетъ, чтобъ прежде отъѣзда его изъ замка, вы удалились. Если бы вы его увидѣли, сударь, какъ онъ съ досады топаетъ ногами въ своемъ халатѣ и колпакѣ . . . . онъ дѣйствительно похожъ на бѣснующагося дьявола.

Тогда Дикой надѣваетъ халатъ, колпакъ и исподнее платье Барона, и отправляется при свѣ-

тѣ луны, не имѣя ни полушки денегъ.

Готовы ли вы, сударь? сказалъ ему почталіонъ, легко обманувшійся халатомъ и колпакомъ. — Право — говорилъ самъ себѣ Дикой — сей неблагодарной человѣкъ заслуживаетъ, чтобъ я воспользовался таковою ошибкою. — Онъ садится въ карету; почталіонъ погоняетъ лошадей — и вотъ уже на дорогѣ, ведущей въ Парижъ.

Я не могу, продолжалъ онъ, жить болѣе въ лѣсу. Надлежитъ еще разъ увидѣть общество, и узнаю наконецъ, могу ли въ ономъ обрѣсти щастіе и спокойствіе.

ГЛАВА XII.

Разныя произшествія.

Почталіонъ, получившій хорошую плату, летитъ стремглавъ до слѣдующей станціи, откуда курьеръ, увидя издали карету своего Господина, отправляется, заплативъ прогоны, и такъ продолжается до Рейма.

Онъ останавливается въ наилучшемъ трактирѣ. Для него приготовляютъ завтракъ. Тогда входитъ къ нему молодой Офицеръ драгунскаго полку, чрезмѣрно обходительной. — Естьли вы ѣдете, Государь мой, сказалъ онъ ему, по Арденской дорогѣ, то буду просить позволенія, заплативъ половинное число прогоновъ, ѣхать мнѣ съ вами, потому

что моя карета испортилась; а нещастная моя сестра меня ожидаетъ, и я спѣшу ей помочь! – Кудажъ вы отправляетесь? — Въ замокъ Эскота. — Въ таковомъ случаѣ, Государь мой, садитесь въ мою карету и поѣзжайте освободить сію злополучную сестру, которая ожидаетъ васъ съ нетерпѣливостію. – Какимъ удивительнымъ образомъ, Государь мой, извѣстно вамъ сіе? и съ кѣмъ имѣю честь говорить теперь? Молодой Дикой подробно тогда разсказываетъ ему о своемъ рожденіи, о потерѣ своего благодѣтеля, о своей Жеоржеттѣ, чѣмъ онъ долженствовалъ быть, чѣмъ былъ въ продолженіи своихъ нещастій, и что теперь.

Тогда Офицеръ представляетъ ему десять луидоровъ, сказавъ: примите не стыдясь. Я не заплатилъ вамъ еще за оказанныя вами сестрѣ моей услуги, слѣдовательно остаюсь вамъ должнымъ, стараясь приличнымъ образомъ отблагодарить. — Дикой принимаетъ сіи десять луидоровъ, не говоря ни слова, потому что истинная признательность не можетъ быть изъясняема словами!

Но спросилъ его Офицеръ, что съ вами будетъ въ обществѣ, и какимъ образомъ получите обратно довѣренность Милорда Стенгеля и его дочери? — Увы! я совсѣмъ того не знаю. — Хотите ли я вамъ дамъ совѣтъ? — Вы весьма молоды . . . однакожъ

обладаете здравымъ разсудкомъ ; я послѣдую вашему совѣту. — Подите въ военную службу ; вступите въ мой полкъ: я беру съ васъ обязательство быть въ моей ротѣ, и въ минуту одѣвъ васъ въ свое платье, явитесь въ оную, какъ скоро будете свободны. — Я съ радостію соглашаюсь. – Молодой Офицеръ заключаетъ въ то время съ нимъ обязательство, одѣваетъ его по драгунски, надѣваетъ на голову каску, привѣшиваетъ саблю, и вручаетъ письмо къ Лорду Спенгелю, которое долженъ ему отдать, естьли получитъ опять его довѣренность, не разпечатывая оное прежде – въ чемъ получаетъ честное слово. — Дикой, давъ оное, конечно не нарушитъ.

Знаете ли вы, Господинъ Кораль, что къ вамъ весьма пристало сіе платье? . . . отмѣнная стройность! къ тому жъ столь пригожи! . . . тьфу къ чорту! . . . Вы равной будете имѣть успѣхъ и въ войнѣ, каковой имѣли въ любви!

Но вдругъ чрезвычайной шумъ, случившійся на улицѣ, привлекъ къ себѣ вниманіе и нашихъ молодыхъ людей. Они увидѣли пріѣхавшаго на почтовой лошади человѣка въ халатѣ и колпакѣ, сопровожаемаго великимъ множествомъ шалуновъ, привлеченныхъ симъ нѣкотораго рода маскерадомъ. — Въ семъ-то видѣ былъ Баронъ, которой, узнавши скоро, что незнакомецъ воспользовался ошибкою почталіона,

ѣхалъ въ его каретѣ, — пустился за нимъ въ слѣдъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ поймавъ его, велѣть повѣсить. — Тогда, сошедши съ лошади, требуетъ говорить съ симъ негодяемъ. Ему показываютъ его комнату, — онъ является. — О, нѣтъ! сказалъ онъ, человѣка, коего я ищу, нѣтъ здѣсь. — Смотрите на меня пристальнѣе, и вы его найдете. — А, это вы! . . . И такъ, государь мой! думаете ли вы, что дѣло тѣмъ и кончано? О! вы скоро узнаете Барона Эскота! . . . сего господина я беру свидѣтелемъ. . . . — Позвольте мнѣ напередъ, сказалъ Офицеръ, спросить васъ, сударь, здорова ли ваша супруга? — Она благополучна, потому что уже тому

три мѣсяца, какъ Небо избавило ее отъ всѣхъ страданій, обременяющихъ жизнь человѣческую. Но дѣло идетъ не объ этомъ. А! а! господинъ бездѣльникъ! — А дѣвица де Рюремондъ, государь мой, продолжаетъ Офицеръ. . . . — Какъ! спросилъ съ безпокойствомъ Баронъ, вы ее знаете? — Да, нѣсколько . . . . я братъ ее. . . . А! а! господинъ бездѣльникъ! такъ-то вы употребляете во зло довѣренность матери, которая почитала дочь свою находящеюся у почтенной родственницы; а вы намѣревались содѣлать ее своею жертвою? Но Правосудіе скоро отмститъ сестру мою и сію мать, столь жестоко обманутую! беззаконникъ! . . . — Не погубите меня,

государь мой! сказалъ Баронъ бросясь къ ногамъ его. — Вы у ногъ моихъ? . . . будучи такъ гордымъ, учинились столь низкимъ! . . . Хотя имѣете вы титулъ Барона, но недостойны быть и моимъ слугою; я повелѣваю вамъ — потому что вы своимъ поведеніемъ то заслуживаете — въ сію минуту возвратиться къ себѣ въ замокъ, такимъ образомъ какъ вы пріѣхали, и приготовить на станціяхъ почтовыхъ лошадей. — А карета моя, государь мой? — Я къ вамъ въ ней поѣду.

Въ то время карета перемѣняетъ свой путь. Офицеръ въ нее садится, и Баронъ сопровождаетъ его въ шлафоркѣ и колпакѣ, коему маленькіе шалу-

ны причиняютъ разныя грубости своими насмѣшками.

Молодой Дикой оставшись одинъ, разсматриваетъ самого себя и удивляется. . . . . Тому три дни, былъ я въ объятіяхъ Игуменьи, говорилъ онъ — вчера угрожаемъ смертію . . . нынѣ — драгуномъ . . . но, продолжалъ онъ, что такое содержитъ въ себѣ сіе письмо? . . . я вручу оное Лорду Стенгелю — можетъ быть меня въ ономъ ему рекомендовали . . . Ахъ! могу ли надѣяться въ возвращеніи его милости!

Между тѣмъ онъ располагается къ своему отъѣзду. Полкъ находился въ Руанскомъ гарнизонѣ. Онъ нанимаетъ карету, отправляющуюся въ Парижъ

чрезъ Суазонъ со многими пассажирами. — Одинъ изъ оныхъ особенно привлекъ къ себѣ его вниманіе. Онъ былъ Капуцинъ, видъ коего изъявлялъ совершеннаго плута.

Карета останавливается въ Жоншери. Тутъ нѣсколько бутылокъ хорошаго вина, вселивши откровенность во всѣ сердца, принудили говорить истину. Тогда приготовлялись къ дорогѣ, и Дикой, желавшій опять помириться съ свѣтомъ, возбуждаетъ пустослововъ. Каждой разсказываетъ свои произшествія. Пришла очередь Капуцина, разгоряченнаго винными парами, и онъ началъ повѣсть свою сими словами :

Жизнь моя недостойна примѣчанія — слушайте: Будучи сыномъ угольщика, первое воспитаніе получилъ я соотвѣтственно моему происхожденію, то есть, въ 12 лѣтъ я ничего не умѣлъ дѣлать кромѣ угольевъ. Но Священникъ нашей деревни неотмѣнно хотѣлъ, чтобъ я пошелъ въ пѣвчіе; и такимъ образомъ вступилъ я въ сію должность. Но имѣя съ природы весьма худой характеръ, заслужилъ названіе неисправнаго. Я сдѣлалъ пріятную привычку пить церковное вино, а Священнику подавалъ для священнодѣйствія подкрашенную воду. Скоро вино не утоляло уже мою чрезвычайную жажду; и я однажды осмѣлся украдкою въ церквѣ, дабы пере-

щипать церковныя деньги. Тогда-то подаяніе благотворныхъ душъ совершенно усладило мое чувство. Мнѣ должно было выбраться вонъ, и подозрѣніе долженствовало пасть конечно на тѣхъ, кои тутъ пребывали всечасно; къ чему я взялъ предосторожность, укравъ нѣкоторыя вещи у ключаря, и положивъ оныя у кружки. Я былъ въ совершенной безопасности; вещи узнали, подозрѣніе пало на ключаря, коего разстригли и посадидили въ темницу. Я старался поступить на мѣсто его, что и удалось.

Между тѣмъ борода начинала у меня показываться на лицѣ. Я почувствовалъ уже ту склонность, которая — какъ го-

воряшъ — внушается въ насъ дьяволомъ; и я особенно почувствовалъ оную къ Жакелинѣ, служанкѣ моего Священника. Я былъ довольно пригожій юноша, а Священникъ довольно отвратителенъ; Жакелинажъ не оказывала сопротивленія. Она была самая пріятная деревенская дѣвушка, и легко могла воспламенить мои чувства.

Священникъ, находившій во мнѣ разсудокъ, выучилъ меня по Латынѣ; въ вознагражденіежъ его усердія, старался я угождать Жакелинѣ. Она сдѣлалась беременною, и хотѣла выпти за меня за-мужъ для прикрытія своей слабости. — Но я изъявилъ ей въ томъ свое несогласіе . . . и

беретъ ея руку безъ всякаго сопротивленія; за симъ осыпаетъ ее пламенными поцѣлуями, каковыми взаимно былъ вознаграждаемъ; наконецъ ищетъ въ темнотѣ прекрасную шею, которую одинъ только зефиръ, какъ казалось, лобызалъ своимъ дуновеніемъ — и продолжая путь, карета пріѣзжаетъ въ Суасонъ.

Но онъ давно былъ уже предупрежденъ .... молодую особу ожидали при выходѣ .... драгунъ, услаждавшійся надеждою, погружается вдругъ въ уныніе.

Онъ входитъ въ трактиръ, гдѣ узнаетъ, что въ тотъ же вечеръ будетъ собраніе Суасонскаго юношества, куда онъ и отправляется, чтобъ предать забвенію образъ прекрасной сопут-

рогу. Возлѣ него сидѣла молодая дѣвица изъ Суасона, пригожая, полная, уподобляющаяся свѣжести розы, и коей пріятная улыбка возбуждала во всѣхъ душевное удовольствіе. Прелестной видъ ея очаровывалъ всякаго: природной разумъ, хотя былъ не обработанъ, однакожъ видѣнъ во всѣхъ словахъ ея. Простое платье, покрывающее ее, соотвѣствовало ея званію. Она была нянюшкою одного дитяти. Ахъ! какъ бы желалъ молодой Дикой предложить ей свои услуги!

Онъ занималъ ее своими разговорами въ продолженіи дня, и ночь застигаетъ карету: тогда изъясненія перемѣнились. Дикой своимъ колѣномъ пожимаетъ колѣно миловидной нянюшки; потомъ

у нее вопросъ, лестное предложеніе, хитрые намѣки, дабы удержать Дикаго. Надлежало, чтобъ онъ узналъ ея имя, пребываніе, и что она, будучи рождена въ Шампанской Провинціи, пріѣхала жить въ Суасонъ.

Ахъ! сказалъ молодой Дикóй, перебивъ рѣчь ея, какъ плѣняютъ меня Суасонески! Не удивляетесь ли вы, сударыня, сему небольшому собранію красавицъ Франціи! —

Но она, слушая съ негодованіемъ его рѣчи, продолжала разсказывать ему о себѣ съ томными вздохами, и прерываетъ разговоръ свой, увѣдомивъ, что прелестная его спутница живетъ у нее въ прислужницахъ.

ницы. Онъ восхищается пріятнымъ зрѣлищемъ, которое Суасонески являютъ его взорамъ.

Скоро сѣла близь него старая кокетка, которая тщетно старалась казаться цвѣтущею, полною розою; но, не смотря на румяны и бѣлилы, покрывавшія все лице ея, старость ея видна была во всѣхъ чертахъ. Сія женщина намѣревается привлечь къ себѣ моего Дикаго, прилагая старанія воспламенить его сердце.

Всякой взиралъ улыбаясь на старость и юность, которыхъ любовь соединяла. Дикой, наскучивши странною привязанностію пожилой Венеры, хотѣлъ всеминутно отъ нея удалиться. — Но, государь мой! говорила она . . . и тотчасъ готовъ былъ

ви, отправляется къ прелестной незнакомкѣ, которая, уводя его въ залъ, уронила погасивъ свѣчу; а юноша, пользуясь симъ случаемъ, посвящаетъ время сіе удовольствію.

Два часа протекли: старуха вышла изъ терпѣнія и, пылая яростію, видя себя обманутою, возмутила пріѣздомъ своимъ восхищеніе юныхъ любовниковъ.

Хитрая красавица, пришедшая въ смятеніе, избавляется отъ подозрѣнія, произведя вопль: — Сударыня! сударыня! помогите мнѣ! обольститель хочетъ меня погубить! — Ахъ! что ты говоришь? сказалъ ей Дикой съ изумленіемъ.

Госпожа появляется . . . — О Небо! вскричала она, могу ли сему повѣрить! — Такъ, суда-

Молодой Дикой, восхищаясь симъ открытіемъ, забываетъ досадной разговоръ и помышляетъ о средствѣ удалиться отъ безумной прелестны, надѣясь весьма легко обмануть влюбленную старуху. — Сударыня — говорилъ онъ — мнѣ нужно отлучиться; но чрезъ часъ позвольте надѣяться найти васъ опять здѣсь и быть проводникомъ вашимъ?

По совѣсти признаюсь — продолжалъ Дикой — я не могу изъяснить вамъ той симпатіи, которая заставляетъ меня принимать въ васъ участіе! — Я васъ буду ожидать, государь мой! отвѣчаетъ съ улыбкою старуха; буду ожидать!

Молодой Дикой, увѣривъ ее такимъ образомъ въ своей люб-

сказала Госпожа съ видомъ презрѣнія, извольте удалиться!....

Молодой Дикой восхищаясь лукавымъ и забавнымъ средствомъ, выдуманнымъ горничною для избѣжанія подозрѣнія, смѣется надъ старухою, такъ какъ и надъ ея нѣжною любовію, и возвращается въ свой трактиръ, ожидая отъѣзда кареты.

ГЛАВА XIII.

Молодой Дикой услышалъ, что Жеоржетта учинилась невѣрною.

Молодой Дикой пріѣхавши въ Парижъ, спѣшитъ къ тому нещастному бѣдному семейству, коего видъ, напоминая ему благодѣяніе, имъ оному оказанное, по-

рыня, продолжаетъ служанка съ притворнымъ плачемъ, я едва не учинилась жертвою его наглаго намѣренія! . . . Дерзкой! онъ говорилъ, сударыня, что вы привлекали его къ себѣ въ собраніи; что вы наскучили ему своими сухими похвалами; что онъ находитъ васъ весьма странною; что никакъ не могъ смотрѣть на лице ваше, почиталъ васъ сумазбродною, потому что вы вздумали нравиться въ такія лѣта . . . могу ли я разсказать все то, что онъ наговорилъ? . . . Потомъ загасилъ мою свѣчу и началъ меня . . . . Ахъ, сударыня! вы пришли въ самое время! . . . . я умерла бы съ печали! — Успокойся, любезная моя . . . . а вы, государь мой,

былъ преслѣдуемъ Англичани-номъ . . . то была Жеоржет-та! — О юный другъ мой! какъ вы были любимы ею! Въ сей ком-натѣ часто раздавались стоны, производимые нѣжною ея къ вамъ привязанностію; она не гнушалась открывать грусть свою мнѣ; а я зная средство, могущее облегчить ее, безпрестанно по-вторялъ ей, что вы чувствова-ли величайшее мученіе, находясь въ разлукѣ съ нею. — Гдѣ она? говори! — Она въ Парижѣ. — Въ Парижѣ? . . . я бѣгу бро-ситься къ ногамъ ея и принесть сердечное раскаяніе въ своихъ поступкахъ — Нещастный юно-ша! уже поздно: вы не можете ее видѣть; позабудьте ее! — Мнѣ забыть Жеоржетту! . . .

селяетъ въ сердцѣ его нѣкоторую отраду. Онъ находитъ опять отца, коего прижимаетъ въ своихъ объятіяхъ. — О добрый юноша! сказалъ ему старикъ, ложный страхъ объявъ васъ ужасомъ, принудилъ оставить сіе мрачное жилище, гдѣ, нѣсколько минутъ спустя, насладились бы вы зрѣніемъ Жеоржетты, столь достойной вашей любви и почтенія! — Изъяснитесь! отвѣчаетъ изумленный Кораль. — Она все оставила, чтобъ только за вами слѣдовать, особливо не принадлежать Лорду, коему назначена она была въ супружество. Словомъ сказать, служанка Жеоржетты вседневно нанимала васъ въ улицѣ де фильи-Сентомасъ. — Какъ! . . . . и я не

Лондона. Тогда она прибѣгла въ нѣдра моего семейства, которое не оставляла своею великодушною помощію, послѣдуя въ томъ благодѣтельному своему другу, и объявила мнѣ о своемъ злополучіи, пріуготовлявшемъ ей новыя нещастія. Сколь бы Небо было милосердо, естьлибъ позволило мнѣ возблагодарить за ея ко мнѣ попеченіе! . . . Въ семъ плачевномъ положеніи она не могла долѣе остаться въ прежнемъ жилищѣ, и поселившись вскорѣ въ томъ, которое вы занимали, поверглась суровостямъ недостатка.

Старшій сынъ мой возвратившись изъ арміи, коего почтенныя раны и таланты содѣлывали достойнымъ граждани-

номъ, учинился любезною моею надеждою. Министръ, говорилъ я самъ въ себѣ, подаетъ средство употребить въ дѣлахъ своихъ для пользы Франціи руку, оставшуюся у сего юнаго гражданина, и Жеоржетта не будетъ претерпѣвать нужды. Но сынъ мой не имѣлъ другихъ покровителей, кромѣ ранъ своихъ и талантовъ, и Министръ отказалъ человѣку достойному уваженія по таковымъ заслугамъ, поручивъ должность конечно неспособному.

Между тѣмъ нещастіе Жеоржетты не повергало ее въ отчаяніе. Бодрость и труды учинились ея подпорою, достойною похвалъ, и плоды ея прилѣжанія

приносили удовольствіе оказывать благодѣяніе.

Вотъ истинной портретъ Жеоржетты! вскричалъ Кораль, пронувшись до слезъ .... Доброй старикъ! какую радость разливаешь ты въ душѣ моей, напоминая мнѣ, что она добродѣтельна!

И такъ, отвѣчаетъ ему старикъ, наслаждайтесь не огорчаясь! Пусть добродѣтельная Жеоржетта утѣшаетъ васъ въ сіе время, и сонъ вашъ да будетъ упоенъ пріятнѣйшими воображеніями. Теперь поздно; завтра узнаете остальное.

Кораль тщетно желалъ удовлетворить свое любопытство. Старикъ пребываетъ въ молчаніи. Они разлучаются.

Молодой Дикой удаляется въ трактиръ и проводитъ ночь между страхомъ и надеждою. — Для чего не могу я увидѣть Жеоржетты? думалъ онъ. Не уже ли она заключилась опять въ монастырь, которой сему препятствуетъ? Но Жеоржетта пожертвовавшая для меня всѣмъ, не можетъ подать мнѣ обиднаго подозрѣнія! . . . Какъ! Жеоржетта, ты отказалась отъ всѣхъ удовольствій, дабы принадлежать токмо сему неблагодарному Дикому! . . Сія чрезмѣрная нѣжность меня не тронула — я учинился вѣроломнымъ! . . .

Кораль въ мысляхъ наслаждался зрѣніемъ Жеоржетты, и чувствуетъ сердце свое воспламеняемымъ постепенно; но

вообразивъ, что возраждающаяся страсть сія должна только безпокоить его, потому что вступивъ въ службу, онъ не могъ быть съ Жеоржеттою: — о должность! вскричалъ онъ, тяжкіе оковы! общественное обязательство, управляющее человѣческою судьбою! не уже ли учинился я нѣжнымъ и страстнымъ любовникомъ для того, чтобъ умирать вседневно въ отдаленіи отъ Жеоржетты, томясь отчаяніемъ?

При первыхъ лучахъ солнца онъ отправляется къ старику, которой его спрашиваетъ: Юный другъ! какъ вы думаете, гдѣбъ находилась теперь Жеоржетта? — Но . . . какъ бы Жеоржетта ни была бѣдна, отвѣчаетъ Кораль,

всѣ поступки ея конечно честны! — Знайтежъ . . . ахъ! я не въ состояніи продолжать далѣе! — Прошу тебя окончать повѣствованіе о добродѣтеляхъ того, кто намъ драгоцѣненъ, течетъ изъ устъ нашихъ безъ всякихъ принужденій; а сіи остановки весьма обидны для Жеоржетты! — И такъ знай, нещастный юноша! что Жеоржетта не вѣрна! — О Небо! могу ли повѣрить! . . . . — Содѣлалась жертвою пороковъ, готовящихъ погрузить невинность въ бездну преступленій! — Какъ! сказалъ Кораль, пришедшій въ трепетъ, Жеоржетта въ числѣ сихъ женщинъ, приносящихъ стыдъ и поношеніе человѣчеству! . . . Ахъ! достопочтенный другъ мой! ка-

кими ударами поражено сердце мое! . . . Небу не угодно было, какъ я думаю, чтобъ сіе ужасное признаніе вылетѣло изъ устъ вашихъ! по крайней мѣрѣ я мучимъ былъ бы собственными страданіями, между тѣмъ долженъ теперь сносить и несносное бремя безчестія моей Жеоржетты, той Жеоржетты, коея слава содѣлывала меня горделивымъ!... а ты, Стенгель, что чувствуешь, оставленъ будучи дочерью? . . . Ты хотѣлъ замѣнить мнѣ отца моего! . . . . и получившій твое благодѣяніе, заставляетъ тебя проливать слезы своею неблагодарностію! Старость твоя не имѣетъ ни подпоры, ни утѣшенія! Боже! . . . виновникъ сему я!

Но — обратясь къ старику — кончи свое повѣствованіе; позволь узнать подробно все мое злополучіе!

Старикъ продолжаетъ: Тому три дни, одна женщина предложила работу Жеоржеттѣ; онѣ вмѣстѣ уходятъ .... но посудите о моемъ положеніи: когда два дни Жеоржетта не являлась, я не могъ не встревожиться, подозрѣвая, что сія неизвѣстная женщина обольстила Жеоржетту — и вотъ вы увидите, основательны ли были мои предчувствованія ..... Вчера по утру великолѣпная карета остановилась не подалеку отъ сего мрачнаго жилища ... пріятной голосъ поражаетъ слухъ моихъ дѣтей, которыя тамъ случайно

находились . . . ихъ зовутъ . . . то была Жеоржетта въ богатомъ одѣяніи, которая, отдавая имъ сей кошелекъ, сказала: „Подите, „успокойте отца своего въ раз- „сужденіи моей участи; проси- „те его отъ меня, чтобъ онъ „навѣстилъ Жеоржетту тамъ, „гдѣ теперь находится.“ Тогда она написала адресъ и, отдавъ оной имъ, уѣзжаетъ . . . . Ахъ, другъ мой! можетъ ли полу- чить богатство молодая особа, неописанная красота, безъ? . . . — Любезная Жеоржетта! вскричалъ Кораль, заливаясь слезами, какъ могла ты предпочесть суетное богатство сей почтенной бѣдно- сти, которая придавала блескъ твоимъ добродѣтелямъ, коими ты была преисполнена?

Но Жеоржетта, учинившаяся достойною презрѣнія, сказалъ старикъ, не постыдилась тронуть чувствительную мою нѣжность, раздѣляя со мною пріобрѣтенное своимъ порокомъ! ... Нѣтъ! пусть лучше умрутъ дѣти мои съ голоду, нежели будутъ получать пропитаніе помощію сего нечистаго золота! ... Мнѣ идти въ убѣжище разврата! не отъ меня ли она слышала, сколь благородна почтенная бѣдность?

И такъ, отвѣчаетъ Кораль, я пойду, явлюсь ея взорамъ! и въ томъ свидѣтельствуюсь Богомъ, меня внемлющимъ, что я скоро отмщу въ крови развратителя сего нещастнаго творенія, которое было бы еще непорочно, не

предавшись сему хитрому обольщенію.

Юноша! укроти свой гнѣвъ, а болѣе всего не вини меня въ томъ, что я тебѣ открылъ сіе, подвергая дни твои видимымъ опасностямъ, кои не возвратятъ уже Жеоржеттѣ того, что она потеряла!

Но Дикой, пришедшій въ ярость, коего ни что остановить не могло, и дыша токмо мщеніемъ, оставляетъ поспѣшно старика и, вооружась, отправляется къ жилищу своей любезной.

Обратимся на минуту, Читатель, къ Лорду Спенгелю, коего мы оставили съ исполненнымъ радостію сердцемъ въ то время, когда Жеоржетта пріі-

уготовляла ему сильнѣйшія огорченія.

ГЛАВА XIV.

Лордъ Стенгель находитъ дочь свою въ Парижѣ.

Лордъ Стенгель пожелавъ своей дочери доброй ночи, пораженъ былъ печальнымъ предчувствіемъ, истиннымъ предзнаменованіемъ важныхъ произшествій. Строгой разсудокъ незапно проникъ въ его намѣренія, и обратилъ скоро къ чувствованіямъ Природы, обвиняя его въ жестокости. Я обѣщалъ руку Жеоржетты Лорду Фальсплину, говорилъ онъ самъ себѣ; но сіе сдѣлалъ я противъ твоего желанія, и конечно Фальсплинъ не воспользуется сею вла-

стію. . . . Дочь моя! клянусь честію, что участь твоя отдана будетъ въ твое разпоряженіе.

При солнечномъ восхожденіи, съ радостнымъ лицемъ идетъ онъ въ комнату Жеоржетты; но какое овладѣло имъ отчаяніе, узнавъ, что она скрылась въ ночь съ своею служанкою! Базиль пробѣгаетъ Лондонъ, спрашивая вездѣ о Жеоржеттѣ, съ заплаканными глазами. Онъ узналъ, что она приняла путь во Францію. Стенгель садится въ карету, взявъ съ собою Базиля, и вскорости отправляется по слѣдамъ своей дочери до самаго Парижа.

Какихъ способовъ не прилагала нѣжность сего добраго отца

для отысканія Жеоржетты въ Парижѣ, въ семъ обширномъ и многолюдномъ городѣ! Базиль, неразлучной его упѣшитель, со всевозможнымъ стараніемъ прилагалъ свои силы — но всё тщетно.

Протекли три мѣсяца безъ всякой пользы, и нещастный Стенгель началъ отчаяваться найти когда-либо Жеоржетту, какъ однажды Базиль, встрѣтясь на улицѣ съ молодою особою, просто одѣтою, особенно былъ пораженъ скромнымъ видомъ, который она имѣла въ своей походкѣ. Поникшіе глаза ея, казалось, избѣгали всѣхъ взоровъ, дабы не обнаружить прискорбія души . . . Онъ при-

ближается, и узнаетъ Жеоржетту.

Базиль готовясь съ нею говорить, удерживаетъ однакожъ стремленіе своей радости. — „Можетъ быть, говорилъ онъ, устрашась присутствія отца своего, Жеоржетта конечно отъ меня удалится.“ — Тогда онъ почелъ за благоразумное слѣдовать за нею до ея жилища, и освѣдомясь въ сосѣдствѣ, узнаетъ, что Жеоржетта питается трудами рукъ своихъ. Не теряя времени, онъ поручаетъ вѣрной женщинѣ привести ее къ отцу, подъ предлогомъ дать ей работы. Такимъ-то образомъ и вручаетъ Жеоржетту въ объятія Стенгеля.

Какое восхищеніе отца и дочери, соединенныхъ опять вмѣстѣ! Они не могли произнести ни одного слова . . . Вотъ дѣйствіе натуры!

ГЛАВА XV.

Молодой Дикой женится на Жеоржеттѣ.

Между тѣмъ молодой Дикой приходитъ въ домъ Милорда Стенгеля, коего въ своемъ ужасномъ замѣшательствѣ располагается вызвать на поединокъ для отмщенія мнимой обиды, причиненной Жеоржеттиной чести. Онъ требуетъ позволенія войти въ комнату сего добраго отца, еще бывшаго въ постелѣ, и коего мысли заняты были въ ту самую минуту участью своего

нещастнаго воспитанника. — Еслибъ Небо возвратило мнѣ его, думалъ Спенгель, воздыхая; дочь моя и я вскорѣ бы предали забвенію всѣ нещастія, помрачавшія жизнь его, и по крайней мѣрѣ зимніе дни мои былибъ согрѣты пріятнымъ зрѣлищемъ блаженства дѣтей моихъ. Поблекшее растеніе отъ хладнаго инія тотчасъ оживотворяется, когда солнце броситъ на него нѣсколько лучей; подобно сему, почувствовалъ бы я, что еще существуетъ нѣкоторое удовольствіе для меня на землѣ, видя дѣтей моихъ щастливыми.

Тогда слуга увѣдомилъ его, что одинъ военной Офицеръ проситъ позволенія говорить съ Го-

сподиномъ дома. — Впустите его, отвѣчаетъ Стенгель.

Кораль достигаетъ комнаты Стенгеля, черты лица коего мрачный день и занавѣсы скрываютъ отъ его взоровъ. Приближаясь большими шагами къ его постелѣ, онъ сказалъ: Ты чудовище! ты обольстилъ мою Жеоржетту, блеснувъ предъ нею своимъ богатствомъ! и такъ, продолжаетъ Кораль, стащивъ съ яростію Стенгеля съ постели, одѣвайся не медля; преступленіе твое должно быть наказано моею рукою: ты лишилъ покоя отца и любовника Жеоржетты, заставляешь ихъ проливать слезы и погружаешь въ отчаяніе! — Что я слышу! вскричалъ Стенгель, согбенный сильною рукою

Кораля; какъ ты ошибаешся!... Кораль . . . . сынъ мой ! . . . я старой другъ твой ! . . . ты хочешь поразить кинжаломъ отца своего ! — О Небо ! сказалъ съ восхищеніемъ Дикой, пришедшій въ смятеніе, смѣшанное съ удивленіемъ и страхомъ — возможно ли ! . . . Какъ ! . . . это вы, любезной родитель . . . . . вы, Милордъ! . . . . ужасное заблужденіе ! . . . позвольте просить прощенія у ногъ вашихъ !

Тогда Стенгель надѣваетъ халатъ, и проситъ своего воспитанника, спокойно обнимая, разсказать ему разныя произшествія, случившіяся съ нимъ со времени ихъ разлуки. Молодой Дикой удовлетворяетъ желанія Стенгеля, не упуская и того,

что могло тронуть почтеннаго Лорда.

Какъ! . . . восклицалъ Стенгель въ восхищеніи своей радости, какъ! ты мнѣ возвращенъ; . . . Завтра, сынъ мой, завтра мы поѣдемъ въ Лондонъ, куда ты теперь можешь появиться! Твое прощеніе, исходатайствованное Лордомъ Фальсплиномъ, твоимъ великодушнымъ соперникомъ, уже объявлено, и первое мое стараніе, пріѣхавши, будетъ соединить тебя съ моею дочерью.

Не видите ли вы, батюшка, по моему платью, сказалъ Дикой, проливая слезы, что свобода моя зависитъ отъ Франціи? . . . . Война открывается на границѣ, и знаменитое ваше достоинство

не имѣетъ власти въ сей странѣ; слѣдственно ни что не можетъ прервать узъ моего обязательства! — Какъ! въ службѣ, Милордъ! я васъ оставляю, и теперь же отправляюсь въ полкъ! Я долженъ убѣгать присутствія Жеоржетты, которую вмѣстѣ нахожу и теряю! чувствую, что непремѣнно должно разлучиться! Я спокоенъ — будучи прощенъ тѣмъ, коего всегда почиталъ своимъ родителемъ, которымъ осыпанъ былъ нѣжностію — благодѣяніями коего я часто оскорблялъ, и коего теперь еще болѣе люблю!

Стенгель, приведенъ будучи своею горестію въ безмолвіе и отчаяніе, бросилъ на Кораля взоръ чувствительности, озна-

меновавшій юношѣ положеніе души его.

Между тѣмъ Кораль, получившій довѣренность и дружбу Стенгеля, вспомнилъ, что въ то время надлежало вручить ему письмо отъ молодаго Капитана де Гюремонда. Стенгель оное распечатываетъ . . . . и по прочтеніи видъ лица его перемѣнился. — Успокойся, сынъ мой! осуши глаза свои; мы не будемъ разлучны. Слушай:

„Милордъ.

„Я обязанъ юному другу ва„шему; однакожъ онъ свободенъ. „Его приняли въ полкъ по прозь„бѣ моей волонтиромъ, надѣясь, „что столь честной человѣкъ „возвратитъ нѣкогда вашу до„вѣренность и дружбу, и что

„вы его опять примите къ себѣ. „Благодарность моя была слаба „противъ услугъ, оказанныхъ имъ „сестрѣ моей. Онъ достоинъ на„шей любви, также и Жеоржет„ты; чета не можетъ быть со„вершеннѣе! Остаюсь съ почте„ніемъ

де Гюремондъ.“

Чтеніе письма едва было кончано, какъ Жеоржетта появляется въ пріятномъ, но простомъ нарядѣ. Она обнимаетъ своего отца съ видомъ веселости. — Ахъ, родитель мой! сказала ему Жеоржетта, конечно мнѣ пріятно прижимать васъ къ сердцу моему. . . . но . . . присовокупляетъ она, воздыхая ... судьба Кораля меня безпокоитъ . . .

не чувствуете ли вы, батюшка, что его намъ недостаетъ?

Любезная Жеоржетта! отвѣчаетъ Милордъ, улыбаясь, мы не одни; взгляни на сего Господина.

Тогда имѣя развлеченныя мысли, она съ стыдливостію поклонилась щастливому Коралю. Взоры ея наконецъ на него устремляются; она его узнаетъ, вскрикиваетъ и повергается въ его объятія.

Между тѣмъ, какъ замѣнило живѣйшую и сильнѣйшую радость любовниковъ и отца сладостное чувствованіе блаженства, всѣ располагаются къ отъѣзду. На другой день посѣтивъ бѣднаго старика, коего Стенгель доволь-

но наградилъ, они отправляются въ Лондонъ, а изъ онаго въ уединенное селеніе, гдѣ молодой Дикой, скоро учинившись супругомъ Жеоржетты, вооружаетъ себя лукомъ и стрѣлами, бѣгаетъ по лѣсамъ, и по нынѣ наслаждается въ нѣдрѣ просвѣщенной фамиліи пріятностями первой своей независимости.

КОНЕЦЪ.

Имена Особъ, благоволившихъ подписаться на книгу: Молодой Дикой.

Его Сіятельство, Графъ Николай Алексѣевичь Шереметьевъ.
Его Сіятельство, Князь Василій Юрьевичь Мещерскій.
Ея Сіятельство, Княгиня Варвара Алексѣевна Голицына.
Ея Сіятельство, Княгиня Надежда Ивановна Голицына.
Его Превосходительство, Иванъ Васильевичь Чертковъ.
Его Превосходительство, Левъ Ивановичь Патаповъ.

Ихъ Высокоблагородія:

Василій Петровичь Ивановъ.
Петръ Ларіоновичь Сафоновъ.
Николай Александровичь Болтинъ.
Степанъ Осиповичь Юшковъ.
Михайла Львовичь Рахмановъ.
Степанъ Афанасьевичь Шиборинъ.
Варвара Владимировна Шишкина.
Рахиль Александровна Абухова.

Ихъ Благородія:

Андрей Дмитріевичь Сущовъ.
Алексѣй Петровичь Тихменевъ.
Иванъ Ивановичь Приклонскій.
Александръ Ефимовичь Котовъ.
Александръ Васильевичь Черкасовъ.
Иванъ Ивановичь Шанскій.

Алексѣй Егоровичь Аверкіевъ.
Николай Евграфовичь Украинцевъ.
Дѣвица Катерина Александровна Киреева.
Иванъ Ивановичь меньшой Марининъ.
Иванъ Яковлевичь Овчинниковъ.
Г. Армянинъ Богданъ Артемьевичь.
Карлъ Шредеръ, иностранецъ.
Карлъ Андреевичь Фогтъ.
Алексѣй Алексѣевичь Варенцовъ.
Александръ Петровичь Бояркинъ.
Анна Васильевна Селина.

Московскіе купцы:

Николай Ивановичь Гудковъ.
Иванъ Ивановичь Переплетчиковъ на 10 экз.
Филиппъ Петровичь Сверчковъ и Степанъ Федоровичь Романчиковъ на 10 экз.
Василій Васильевичь Губкинъ на 10 экз.
Аѳанасій Григорьевичь Колотилинъ на 10 экз.
Семенъ Аникеевичь Селивановскій на 4 экз.
Василій Васильевичь Базуновъ.
Днѣпровскій купецъ Евсей Федотовичь Романчиковъ.
Ростовскій купецъ Александръ Васильевичь Содомцовъ.
Владимиръ . . . . . Плотниковъ.

Lejeune, Augustin
PQ 1995
.L62 J418
Rare Bk. Coll.